
ПИОНЕР
№ 10
МАЙ 1929
КРАСИН
РИС. ДЕТКОР ТРЕКОЗОВ
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

КОНКУРС ЗАКОНЧЕН

ЛУЧШИЕ ШКОЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

ШКОЛЬНЫЕ КАРТИНКИ

(2-я школа, г. Каменец, УССР)

Утро. Город, окутанный серым туманом, просыпается. Стрелка часов ползет к девяти. Из узеньких улиц и переулков группами и в одиночку идут ребята с книжками.

Весело на школьном дворе. Летят санки с горки. Вот они перевернулись, и ребята летят в снег.

Звонок. Все бегут к дверям. Но в дверях дежурный „учком". Не пускает: „Отряхнитесь от снега—тогда пущу".

После третьего урока большая перемена. Ее ждут с нетерпением. Да и как не ждать — ведь тогда в школьном клубе можно поиграть в интересную игру, почитать газету, журнал.

У школьного кооператива толчея: ребята спешат купить тетрадь, карандаш...

А главное—на большой перемене выдают горячие, вкусные завтраки.

Четвертый урок. Учительница математики заболела: в седьмой группе „пустой" урок. Но нет, „пустым" урок не будет. Председатель учкома предлагает: „Товарищи! следующий урок будет Федора Алексеевича, — давайте звеньями повторять заданное". И звенья повторяют.

Сегодня в пятой группе занятия в мастерских. Мальчики уходят в столярную мастерскую. Девочки остаются в классе — у них урок шитья.

В столярной весело поет пила и переговариваются молотки. Дружно идет работа. Тут же ходит инструктор и исправляет ошибки ребят.

Среда—клубный день. С третьего урока начинает кипеть работа в кружках и комиссиях.

Деткоровский кружок обсуждает вопрос о подготовке к годовщине нашей украинской газеты „На зміну".

На вечере было весело.

— Ребята!—кричит один деткор, — давайте устроим суд над газетой...

— Верно!

— Устроим! — раздаются голоса.

Решили устроить суд. Так и записали в дневнике.

В одной из комнат собрался учком. Отчитывается председатель группкома. Второй вопрос—итоги вечера помощи нашим беднейшим ученикам. Вечер вышел хорошим, собрали больше 80 рублей. Эти деньги пойдут на горячие завтраки беднейшим школьникам.

С пяти часов вечера работает художественная мастерская.

— Сегодня будем рисовать лозунги, заголовок и рисунки к стенгазете.

Роздали работу. Мастерская заработала.

Игорь Лизенгевич

г. Каменец

ЛАМПОЧКА НАКАЛИВАНИЯ ЮДЕНИЧА

Конец триместра. Урок физики.

Класс замирает. Слышно, как жужжит случайно выжившая муха.

Коротко рассказав о конце триместра, Абрамов начинает вызывать ребят:

— Скажите, что вас больше всего заинтересовало из пройденного?— спрашивает он ученика.

— Тепловые свойства электричества.

Абрамов просит ученика рассказать о лампочке накаливания. Ученик рассказывает.

— А кто изобрел лампочку накаливания?

Ученик молчит. Молчит и Абрамов, ожидая ответа.

Наконец, ученик решается:

— Лампочку накаливания и... изобрел Ю... Юденич.

Абрамов разражается хохотом. Затем он рассказывает ученику, кто такой был Юденич, и ставит единицу.

После урока ученики обсуждали этот случай и решили, что виноват не ученик, а чрезмерная строгость Абрамова.

О. Добнин

ДЕВОЧКИ И МАЛЬЧИКИ

Если вы зайдете в нашу школу, то увидите, что мальчики стоят отдельно, девочки отдельно.

Иногда какой-нибудь „смельчак" подсядет к девочке и заведет с ней беседу о цветочках, о Мэри Пикфорд. Когда все „сенсации" истощаются, парень незаметно скрывается. И хорошо, если его на ближайшей перемене не окрестят. Это будет великим событием.

Политикой девочки не интересуются (исключения есть),—ответят по „обществу", и ладно! На переменах читают такие книжки, как „Дневник падшей", „Записки сиротки", „Записки институтки" и всякую гадость Лидии Чарской.

Кое-кто почитывает „Пионер", „Пионерскую Правду", но таких единицы.

Наши пижоны.

Однажды нужно было переформировать подгруппу. Кто-то внес предложение, чтобы в подгруппе девчата с ребятами были вместе. Тогда встает одна девочка и заявляет: „Девчата с ребятами в одной группе не будут". Девчата подтвердили. Тем и кончилось.

Товарищеских отношений между мальчиками и девочками нет. Исключение представляют юные „Дон-Жуаны" (о, Пушкин! прости!). Стоят они на переменах, подперев щеку кулаком, на головах у них прямой пробор или „марксистская прическа". Они улыбаются проходящим мимо „барышням", нередко толкают их. Получается свалка. Оргком тут как тут...

Товарищеское отношение проявляется тогда, когда надо подсказать: мальчики и девочки тогда товарищи.

А в остальном сплошной пережиток „институтских" времен. Покончить с этим надо, по-моему, так: 1) при разбивке надо вводить в подгруппы и мальчиков и девочек; 2) устраивать беседы о том, какие отношения должны быть между мальчиками и девочками и т. д.

Этой заметкой я не ограничусь, а соберу материал и буду регулярно писать об этом вопросе в „Пионер".

Призываю и других деткоров писать об этом.

Деткор Илья Мышалов

г. Балашов

Редколлегия: Н. БУЛАТОВ И. ЖЕЛОБОВСКИЙ, Б. ИВАНТЕР, И. РАЗИН, М. ЭПШТЕЙН Отв. редактор И. РАЗИН

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

МАЙ

№ 10

ПИОНЕР

двухнедельный иллюстрированный детский журнал

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени В. И. Ленина при ЦК ВЛКСМ, МБ юных пионеров при МК ВЛКСМ и Наркомпроса

Повесть Л. КАССИЛЯ
Рисунки А. БРЕЯ
(Продолжение)

ЛАТИНСКОЕ ОКОНЧАНИЕ РЕВОЛЮЦИИ

— Тараканиус плывет! — закричал дежурный и кинулся за парту. Открылась дверь. Гулко встал класс. Из пустоты коридора, внося с собой его тишину, вошел учитель латыни. Сухой и желчный, он взошел на кафедру и закрутил торчком свои тонкие тараканьи усы. Золотое пенснэ, пришпорив переносицу, прогалопировало по классу. Взгляд его остановился на иллюминации моей распухшей скулы.

— Это что за украшение?

Тонкий палец уперся в меня. Я встал. Безнадежно-унылым голосом ответил:

...В клетку, как синицу,
За четверть в этот год
Большую единицу
Поставил педагог...

На „Сахалине", за печкой они, „монархисты", злорадно хихикнули. Это было уже невыносимо. Я громко всхлипнул. Класс демонстративно задвигал ногами. Костяшки пальцев стукнули по крышке кафедры.

— Тихо! Эт-то что такое? Опять в кондуит захотелось! Распустились!

Стало тихо. И тогда я упрямо и сквозь слезы сказал:

— А все-таки царя свергнули...

РОМАНОВ НИКОЛАЙ! ВОН ИЗ КЛАССА

Последним уроком в этот день было природоведение. Преподавал нам его наш самый любимый учитель, веселый длинноусый Никита Павлович Камышев. На его уроках было интересно и весело.

Никита Павлович бодро вошел в класс, махнул нам рукой, чтобы мы сели и, улыбнувшись, сказал:

— Вот, голуби мои, дело-то какое. А? Революция! Здорово!

Мы обрадовались и зашумели:

— Расскажите нам про это, про царя.

— Цыц, голуби, — поднял палец Никита Павлович, — цыц! Хотя и революция, а тишина должна быть прежде всего. Да-с. А затем, хотя мы с вами и изучаем сейчас однокопытных, однако, о царе говорить преждевременно.

Степка-Атлантида поднял руку. Все замерли, ожидая шалости.

— Чего тебе, Гавря? — спросил учитель.

— В классе курят, Никита Павлович.

— С каких пор ты это ябедой стал? — удивился Никита Павлович. — Кто смеет курить в классе!?

— Царь, — спокойно и нагло заявил Степка.

— Кто-о?..

— Царь курит. Николай Второй.

И действительно. В классе висел портрет царя. Кто-то, очевидно, Степка, сделал во рту царя дырку и вставил туда зажженую папиросу. Царь курил. Мы все расхохотались. Никита Павлович тоже. Вдруг он стал серьезен необычайно и поднял руку. Мы стихли.

Царь курит.

— Романов Николай,—воскликнул торжественно учитель,—вон из класса!..

Царя выставили за дверь.

СТЕПКА—АГИТАТОР

Двор женской гимназии был отделен от нашего двора высоким забором. В заборе были щели. Сквозь них на переменах передавались записочки гимназисткам. Учителя строго следили за тем, чтобы никто не подходил близко к забору. Но это мало помогало. Общение между дворами поддерживалось из года в год. Однажды расшалившиеся старшеклассники поймали меня на перемене, раскачали и перекинули через забор на женский двор. Девочки окружили меня, готового расплакаться от смущения, и затормошили. Через три минуты начальница гимназии торжественно вводила меня за руку в нашу учительскую. Вид у меня был несколько живописный, как у Кости Гончара. Из карманов торчали цветы. Губы были в шоколаде. За хлястик засунута яркая бумажка от шоколада „Гала-Петер". В герб вставлено голубиное перышко. На спине болтался бумажный чортик. Одна штанина была кокетливо обвязана внизу розовой лентой с бантиком... Вся гимназия, даже учителя и те чуть не лопнули от смеха. С тех пор я боялся близко подходить к забору. Поэтому, когда ребята выбрали меня делегатом на женский двор, я вспомнил „Гала-Петер", начальницу, розовый бантик и отказался.

Меня перекинули через забор.

— Зря!—сказал Степка-Атлантида,—зря! Ты вроде у нас самый подходящий для девчонок. Вежливый. Ну, ладно. Я схожу. Мне что? Надо же и им все раскумекать.

И Степка полез через забор. Мы прильнули к щелям. Гимназистки бегали по двору, играли в латки, визжали и звонко хохотали. Степка спрыгнул с забора. „Ай!"—вскрикнули девочки, на минутку остановились, а потом, как цыплята на зов клушки, сбежались к забору и окружили Степку. Степка отдал честь и представился.

— Атлантида-Степан,—сказал он, на минуту отрывая руку от козырька, чтобы утереть нос,—можно и Гавря. А лучше дуйте Степкой.

— Через забор лазает,—степенно поджала губы маленькая гимназисточка по прозвищу Лисичка.—Фулиган!

— Не фулиган, а выборный революционер,—обиделся Степка.—Что? За царя, небось? Эх вы, монархистки!—и Степка, набрав воздуху, разразился речью, старательно подбирая „вежливые" слова:

— Девчонки... т. е. девочки! Вчера сделалась революция и царя поперли, т. е. спихнули. Мы даже „Боже царя храни" на молитве не пели и все за революцию, т. е. за свободу. Мы хотим директора тоже свергнуть к чорту... т. е. я хотел сказать—к богу. Вы как, за свободу или нет?

— А как это свобода?—спросила Лисичка.

— Это без царя, без директора, к стенке не ставить и выборных своих выбирать, чтобы были главные, которых слушаться. В общем, здорово, т. е. лафа, т. е. хотел сказать—фартово. И на „Брешке" можно будет валандаться, т. е. шляться.

— Я, кажется, за свободу,—задумчиво протянула Лисичка,—а вы как, девчата?

Но девочки вдруг, испуганно озираясь, зашептались:

— Тигренка идет! Тигренка! Лезьте скорее обратно. Попадет вам.

ТИГРЕНКА

От гимназии быстро семенила по двору совсем непохожая на грозного владыку джунглей сморщенная классная дама. „Тигренка"—так прозвали ее гимназистки за привычку вечно напевать себе под нос легкомысленную песенку о каком-то пылком тигренке.

Напевала и сейчас классная дама „Тигренок пылкий мой"... и вдруг замолкла. Затихли гимназистки. Замерли и мы за забором.

— Как?! Что?! Кто это?! Почему здесь?! Ай-ай-ай-ай!—завизжала Тигренка.—Пожалуйте за мной, молодой бессовестный человек. Ай-ай-ай-ай!

И тут произошло нечто такое, о чем говорили целый год, потом—с восхищением в коридорах обоих гимназий, о чем повествуют внушительные строки кондуита. Степка посмотрел с серьезным любопытством на беснующуюся классную даму, как привык смотреть у себя на хуторе на вздыбившуюся в постромках лошадь. Потом в глазах его появился вдруг озорной блеск. Он улыбнулся, отвернул полу шинели, вынул из кармана брюк коробочку „Ю-Ю", постукал по крышке, открыл и невозмутимо протянул ее классной даме.

— Закурим?

Мы и гимназистки обомлели в восторге и сладком ужасе. Тигренка хотела что-то сказать, раскрыла рот, да так и осталась. Дряблая щека задергалась, как лягушачья лапка. Степка закурил, потушил спичку, положил обратно в карман коробочку, вскочил на забор и, взглянув сочувственно на окаменевшую классную даму, сказал:

— А царя-то, ведь, мадам Тигренка, того... фьють!—и показал коленкой.

Гимназистки теперь все были „за свободу".

ЗАГОВОР

Поздно вечером к нам пришел с черного хода Степка-Атлантида и таинственно вызвал меня на на кухню. Аннушка вытирала мокрые взвизгивающие стаканы. Степка конспиративно покосился на нее и сообщил:

— Знаешь, учителя хотят поперетъ „Рыбий глаз", ей-богу. Я сам слышал, историк с Тараканиусом сейчас говорили, а я сзади шел. Мы, говорят, на него в комитет напишем и—амба! Честное слово. А мы, слушай, завтра, как выйдем на эту... как ее... манихвестацию, так я махну рукой, и все заорем: „Долой директора!" Ну, смотри только! Ладно? А я побег: мне еще к Лабзе да к Шурке надо. Замаяли. Ну, резервуар!

Совсем уже в дверях он грозно обернулся:

— А если Лизарский опять гундеть будет, так я ему рожу на все четыре действия с дробями разделаю. Гад буду, если не разделаю. Ишь, раздуховился.

НА „БРЕШКЕ"

На другой день занятий не было. Обе гимназии, мужская и женская, вышли на городскую демонстрацию. Директор позвонил, что притти не может: болен, простудился... Кхе-кхе!

На демонстрации все было совершенно необычайно, ново и интересно. Преподаватели здоровались со старшеклассниками за руку, шутили, дружески беседовали. Гремел оркестр клуба приказчиков. Ломающимися рядами, тщетно стараясь попасть в ногу, шел „цвет" города: солидные акцизные чиновники, податной инспектор, железнодорожники, тонконогие телеграфисты, служащие банка и почты. Фуражки, кокарды, канты, петлички, пуговицы. В руках у всех были появившиеся откуда-то печатные листочки с революционными песнями. Чиновники, надев очки, деловито, словно в циркуляр, вглядывались в бумажки и сосредоточенно выводили безрадостными голосами:

> ... Раздайся клич мести наро-о-одной...
> Вперед, вперед... Вперед, вперед, вперед.

На крыльцо волостного правления, помещавшегося под каланчой, вышел уже смещенный городской голова. На нем были белые с красными разводами валенки-чесанки и резиновые галоши. Голова снял малахай и сказал хрипло и торжественно:

— Хоспода! У Петроградi и у сей России рывалюция. Его императорское величество... кровавый деспот... отреклысь от престола. Уся власть временному управительству. Хай здравствуеть! Я кажу ура!

Закурим?

— Ура!—закричала толпа.

А Атлантида сейчас же добавил:

— И долой директора!

Но ничего не вышло. Директор не пришел, и план Степки рухнул.

На углу „Брешки" группа учителей во главе с инспектором оживленно о чем-то спорила. Степка вслушался. Звучал уверенный голос инспектора.

— Комитет думы рассмотрит наше ходатайство сегодня вечером,—полагаю, в благоприятном для нас смысле. И тогда, господа, мы покажем господину Стомолицкому на дверь. Пора бездушной казенщины кончилась. Да-с!

Степка помчался к своим. Сразу как-то стало веселей. И инспектор показался таким хорошим и ласковым, будто никогда и не записывал Степку в кондуит.

А народ все шел и шел. Шли празднично-одетые рабочие лесопилок, типографии Костепольного, слесаря депо, пухлые пекари, широкоспинные грузчики, лодочники, бородатые хлеборобы.

Таяло. Гукало в амбарах эхо барабана. Широкое „ура" раскатывалось, как розвальни на повороте. Приветливо улыбались гимназистки. Теплый ветерок перебирал телеграфные провода аккордами „Марсельезы". И так хорошо, чорт знает как весело и легко дышалось в распахнутой, против всех правил, шинели!

ГАЛОШИ ДИРЕКТОРА

(Глава оглушительная)

Давно пробило в вестибюле девять, а уроки не начинались. Классы гудели, бурлили. Отдельные голоса булькали в общем гуле и лопались пузырьками. В коридоре ходил Цап-Царапыч и загонял гимназистов в классы. В учительской со стены слепо глядело бельмо невыгоревшего пятна на месте снятого портрета. В накуренном молчании нервно расхаживали педагоги.

Наконец, вездесущий Атлантида решил узнать, в чем дело, и отправился в учительскую, будто бы за картой. Не прошло и трех минут, как он ошарашенный ворвался в класс, два раза перекувыркнулся, вскочил на кафедру, стал на голову и, болтая в воздухе ногами, оглушил нас непередаваемым радостным ревом:

— Черти!!! Робя!!! Комитет попер директора-а-а!!!

Бешеный треск парт! Дикие крики! Невообразимый гвалт! Восторг! Биндюг, шалый от радости, ожесточенно бил соседа „геометрией" по голове, приговаривая:

— Поперли! Поперли! Поперли! Слышишь? Поперли!

Тогда в конце коридора, по которому тек, выливаясь из классов, веселый шум, раскрылись тяжелые двери, и начищенные ботинки на негнущихся ногах мягко проскрипели в учительскую. Преподаватели встали навстречу директору без обычных приветствий.

Стомолицкий насторожился.

— Э-э, в чем дело, г'спода?

— А дело, видите ли, в том, Ювенал Богданыч,— мягко заколыхал бородой инспектор,—что вы... Да вот, извольте прочесть.

Он аккуратно, как „на подпись", подал бумагу. В лицо директору бросилось резкое слово:

„*ОТСТРАНИТЬ*".

Но директор не хотел сдаваться.

— Э...э... я назначен сюда округом,—сказал он холодно,—и подчиняюсь только ему. Да-с... и я безусловно сообщу в округ об этом безобразии. А сейчас,—и он щелкнул крышкой золотых часов,—предлагаю немедленно приступить к занятиям.

— То-есть, как это так!—вспылил, теребя галстук, историк Кирилл Михайлович Ухов.—Вы... вы отстранены. Мы на этом настояли и никаких разговоров тут быть не может. Господа! Что ж вы молчите? Ведь это, чорт знает, что!

На дверь наперла с молчаливым любопытством толпа гимназистов. Задние жали, наваливались. Передние поневоле втискивались в двери, влезали в учительскую; смущенно оправляли куртки, гладили пояса. Степка Гавря, работая локтями, продрался вперед, впился азартным взлядом в историка и не выдержал.

— Прррравильно! Кирилл Михалыч!—и, подавшись весь вперед, рванулся к Стомолицкому:

— Долой директора!!!

Мертвая тишина. И вдруг, словно лавина громом рухнула на учительскую, задавила все и потопила!

— Долой! Вон! До-ло-о-ой!!! Ура! К чорту! До-о-о-лой!

Охнул коридор. Дерябнуло окна. Тронуло зудом стекла. Гимназия ходила вся, дрожала от неистового гула, обалделого грохота, рева и сокрушительного топота.

Директор впервые в жизни погнулся, покарежился. Даже на вытюженных брюках появились складки. Инспектор хитро забеспокоился и вежливенько прищурил глаза на дверь:

— Вам лучше удалиться, Ювенал Богданович. Мы не ручаемся.

— Мы еще посмотрим, господа! — скрипнул зубами директор и выбежал, зацепившись бортом сюртука за скобу. Он кинулся в кабинет, напялил фуражку с кокардой, вделся в шубу на ходу, не попадая в рукава, и—на улицу. За ним на крыльцо засеменил сторож Макеич:

— Калошки-то, Ювенал Богданыч? Калошки позабыли.

Директор, не оборачиваясь и увязая в снегу блестящими штиблетами, прыгал на тонких ногах через мутные лужи. Макеич стоял на крыльце с галошами в руках и глубокомысленно щелкал языком:

— Нтц-нтц-нтц! А-а! Господи Исусе. Вот она революция-то. Директор из гимназии без галош дует.— И вдруг рассмеялся:—Ишь, наворачивает. Чисто жирафа. Ну-ну. О, смеху, прости господи. Бежи, бежи! Хе-хе. Стравус.

На крыльцо с шумом и хохотом вылетели гимназисты.

— Эх, как зашпаривает! Ату его! Гони. Ура! Карьерист! Рыбий глаз!

Крепкий снежок хлюпнулся в спину Стомолицкого.

— Фью-ю! Наяривай! Муштровщик! Граф Кассо Рыба!

Захватывало дух. Директор, сам директор, перед которым вчера еще вытягивались в струнку, дрожали, снимали за козырек, обязательно за козырек, фуражку, мимо кабинета которого проходили на цыпочках,—сам директор постыдно, беспомощно и без галош бежал.

В окна смотрели довольные лица педагогов. Макеич увещевал:

— Пошто безобразничаете! Нехорошо. А еще ученые.

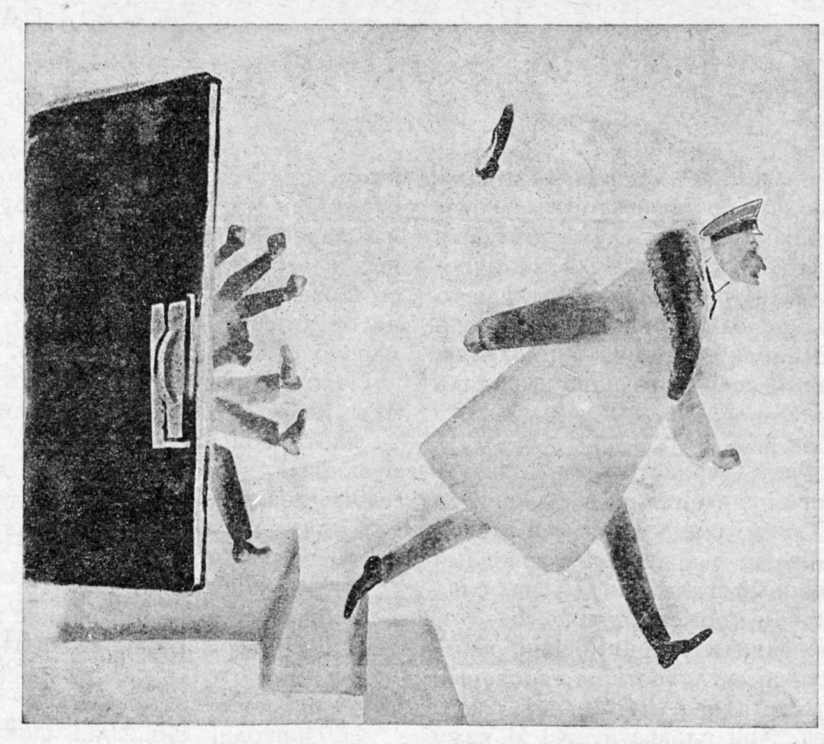
Атлантида подкрался к нему сзади, выхватил из рук директорскую галошу и под общий хохот пустил ее в Стомолицкого. Потом, засунув два пальца в рот, засвистал дико, пронзительно, оглушающе, с переливами. Так умеют свистать только голубятники. А Степкины голуби славились своими „турманами" на весь Покровск.

Когда шумные, разгоряченные вернулись в классы, учителя вяло журили:

— Нехорошо, господа. Хулиганство, все-таки. Разве можно.

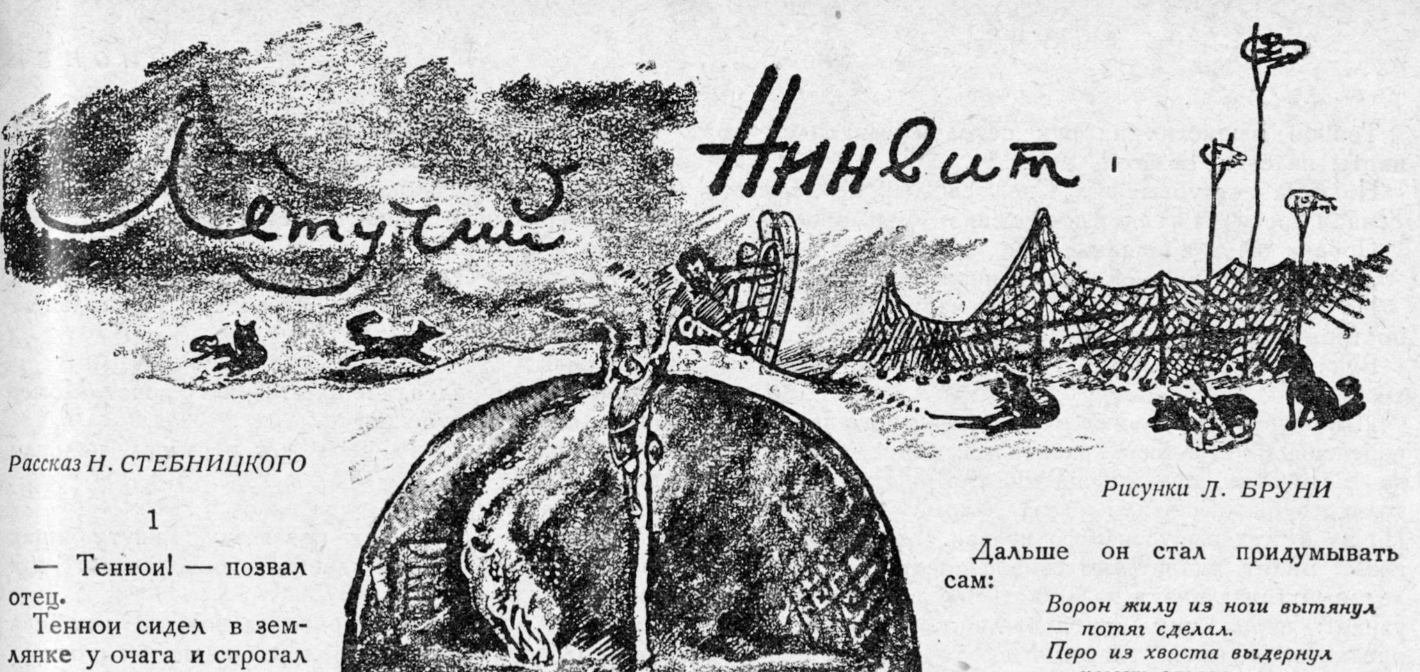
Но чувствовалось, что говорится это так, по-обязанности.

Оставшуюся же директорскую галошу мы повесили на лампе в уборной, как трофей. Все секретные собрания у нас всегда происходили в этом неароматном месте. И с того дня наши сборища получили название: „Орден рыцарей галоши".

Ату его! Гони! Ура!

(*Продолж. следует*)

Рассказ Н. СТЕБНИЦКОГО

Рисунки Л. БРУНИ

1

— Теннои! — позвал отец.

Теннои сидел в землянке у очага и строгал стрелу для своего лука. А отец на дворе чинил нарту—собачьи сани.

Теннои и его отец—коряки. Они живут на Камчатке. В их землянке нет ни окон, ни дверей. Войти туда можно только через дымовое отверстие в середине крыши.

Мальчик поспешно засунул свой самодельный железный нож в самодельные деревянные ножны, подвешенные к его поясу, и быстро, как белка, вскарабкался вверх по гладкому бревну с зарубками. Через минуту он стоял на крыше у входа в землянку.

— Чего тебе, элло (отец)?

— Дров привези. Вот я тебе нарту починил.

Отец подтолкнул ему длинные узкие сани, сделанные без единого гвоздя. Вместо гвоздей деревянные части нарты были скреплены ремешками.

Теннои размотал привязанный к передку длинный ремень-потяг, протянул его по снегу и по очереди стал подводить собак, впрягая их попарно.

Скоро все восемь собак были запряжены. Мальчик положил на нарту топор, взял остол—толстую палку с железным острием. Затем он подтолкнул слегка нарту и крикнул:

— Хак-хак-хак!

Это корякское слово, но не настоящее, а собачье. Оно значит: „прямо! вперед!“ Есть у коряков и другие собачьи слова: „чех-чех“—„налево“, „ках-ках“—„направо“, „кх“ – „стой“. Ведь когда вы едете на собаках, у вас нет ни вожжей, ни кнута и управлять вы можете только голосом. В передней паре упряжки запрягается старая опытная собака, которая хорошо понимает весь собачий язык. Она слушает вашу команду и тянет остальных собак туда, куда надо.

— Ках-ках!—крикнул Теннои, немного от‘ехав. Собаки повернули направо.

День был ясный, морозный, снег ровный. Собаки бежали весело. Было тихо-тихо, слышно было как пролетавшие изредка вороны резали крыльями воздух. Теннои запел громко, во все горло:

Ворон Кухт ехал к морю.
Нарта у него—деревянное корыто для мяса.
Олени у него хромые.
Потяг у него порвался.
Хлыст у него сломался.

Дальше он стал придумывать сам:

Ворон жилу из ноги вытянул
— потяг сделал.
Перо из хвоста выдернул
— хлыст сделал...

От этих смешных выдумок ему стало весело. Он расхохотался.

Вот уже показался березняк, где нужно было рубить дрова. Теннои запел:

Целую нарту дров нарублю,
домой привезу.
Мама огонь разведет,
самый большой котел навесит,
самого жирного мяса наварит.
Есть будем много...

Что это? Лед рушится? Снег с горы обваливается? Гром гремит?

Черная тень побежала по снегу на той стороне реки. Теннои взглянул наверх.

Ой, страшно! Летит: большое, большое, крылья прямые, не машут. Вытянулось в воздухе и воет, воет. Вот увидело—сейчас налетит и схватит.

— Хак-хак-хак! Скорее, скорее!

Собаки и сами испугались, прижали уши и понесли.

Еще громче заревело наверху—теперь уж справа, совсем низко. Хочет залететь спереди... Это кит с крыльями, это мать морского народа. Пропал Теннои. А лапы у нее длинные, блестят. Нет, это лыжи.

— Чех-чех-чех-чех! (налево!)—хочет Теннои крикнуть, но только хрипит и стучит остолом о перекладину нарты.

Собаки взвыли, подхватили, помчались без оглядки. Но разве китовая мать упустит добычу? Вот она несется впереди нарты, над самой землей. Взрыла снег. Побежала. И вдруг она остановилась, задрожала вся и родила цыпленка с красной головой, без крыльев.

— Нинвит! Злой дух! Меня есть будет!

Теннои просунул остол между полозьями, уперся в снег, что было силы.

— Стойте, гнилые головы! Стойте, сухомозглые твари!

Но разве хватит у мальчика силы удержать восемь здоровых собак, когда они видят перед собой такого небывалого зверя?

Все ближе, ближе. Морская дьяволица стоит, отвернувшись. А красноголовый злой дух расставил свои длинные ноги и глядит в упор большими ледяными глазами.

---

[1] Нинвит—по-коряцки злой дух.

Теннои выпустил из рук остол и вывалился из нарты на снег. Бежать!

Но куда тут убежишь? Снег рыхлый, не держит. Теннои бросился на снег носом вниз—будь, что будет.

Собаки выли и лаяли.

„Это он ест их“,—думал Теннои.

Но никто их не ел. Они просто запутались в своих постромках.

Вух... вух...—услышал Теннои тяжелые шаги по снегу.

И вот цепкие сильные руки схватили его за плечи. перевернули: страшная краснокожая голова поглядела на него темными ледяными глазищами. Теннои только зубы стиснул и глаза закрыл: „Рви, ешь“. Но злой дух выпустил его из лап. Теннои открыл глаза. Видит, нинвит сам себе сдирает кожу с лица, ледяные глаза лезут на лоб. Теннои смотрит и не узнает: перед ним молодое лицо обыкновенного русака с „седыми“ глазами.

Он что-то лопочет по-своему. Вот он снял кожаную перчатку и широкая рука тепло охватила застывшую руку мальчика.

У Теннои отлегло от сердца. Он сел, но все еще со страхом смотрел на незнакомца.

Незнакомец покрутил рукой, показывая на аэроплан.

— Твоя—это,—он показал на нарту,—а моя—это.

Теннои понял: он хочет сказать, что это его нарта.

— Кайке!

— Тумгытум! (товарищ!)—сказал русак и опять схватил руку Теннои.

„Ого! он знает по-нашему“. Теннои принялся его разглядывать.

„На прошлогоднего учителя похож. И разговор такой же быстрый. Как сорока, трещит“.

— Тумгытум, тумгытум!—русак вскочил, потянул его за рукав.

„Не сердитый, худого не сделает“,—решил Теннои, встал, отряхая с себя снег.

Они пошли смотреть летучую нарту.

Русак залез в нее, достал много железных крючков и молоточков и медный котелок с длинным черным носом. Зажег спичку и поднес к носу котелка. Котелок сам стал дуть синим огнем, очень сильно. Русак подхватил его и стал пускать огонь в самую середину своей нарты.

„Совсем глупый. Как дальше поедет, если сожжет. Огонь такой дикий. Пропадет нарта“,—думал Теннои.

Но летучая нарта не загорелась, и это, должно быть, было хорошо, потому что русак оглянулся и засмеялся. Стал что-то говорить добрым голосом. Взял крючок и долго ковырял там, куда пускал огонь.

Кончил. Выскочил с каким-то черным ящиком. Показал на собак,—отведи в сторону.

Теннои принялся распутывать постромки. Распутал. Взялся за остол.

— Хак-хак!

— Не, не, не!—закричал русак. Теннои оглянулся. Русак ставил треног.

— Чай варить хочет,—подумал Теннои.

Но русак взял черный ящик и накрутил его на треногу сверху. У ящика был такой же глаз, как у русака, когда у него на лице была красная кожа, только один, а не два. Этот глаз смотрел прямо на Теннои.

Русак подошел, подвинул нарту, повернул Теннои за плечи, потыкал пальцем в ящичек—велел смотреть. А сам надел на голову большую черную тряпку, подкрался сзади к треногу и стал целиться.

„Стрелять хочет!“

— Хак-хак!—Теннои даже замахнулся остолом на собак. Но русак подскочил со смехом, уцепился за нарту, залопотал:

— Тумгытум, тумгытум.

Теннои нахмурился. Непонятно, чего хочет. Может быть, худое – это трехногое.

Русак улыбался во весь рот и стучал пальцем в глаз ящика.

— Сюда, сюда...

Теннои взглянул и как раз в эту минуту ящик моргнул своим ледяным глазом и сказал „чшик“, как еврашка.

Русак, видимо, остался очень доволен. Он поймал в свою руку сразу все три деревянные ноги, открутил от них ящичек, закрыл ему глаз, сложил ноги и засунул все это в свою нарту. Потом подошел к Теннои, схватил его руку и принялся трясти. Заговорил опять как сорока, но ласково.

Когда кончил, полез на свою летучую нарту.

Тут летучая нарта задрожала, впереди у нее что-то завертелось. Побежала быстро-быстро к березняку. У березняка сорвалась с земли, полетела и исчезла за Медвежьей сопкой.

Теннои стоял с разинутым ртом. Передовой пес Авахли, очевидно, соскучился. Он завыл громко, протяжно, и за ним принялись выть остальные собаки.

Теннои взял остол, стал левой ногой на правый полоз нарты и погнал собак в березняк. Там он принялся рубить без разбору первые попавшиеся деревья. Но не мог.

— Надо скорее рассказать. Никто не знает. Такая новость.

Он побросал в нарту несколько срубленных березок и поехал домой.

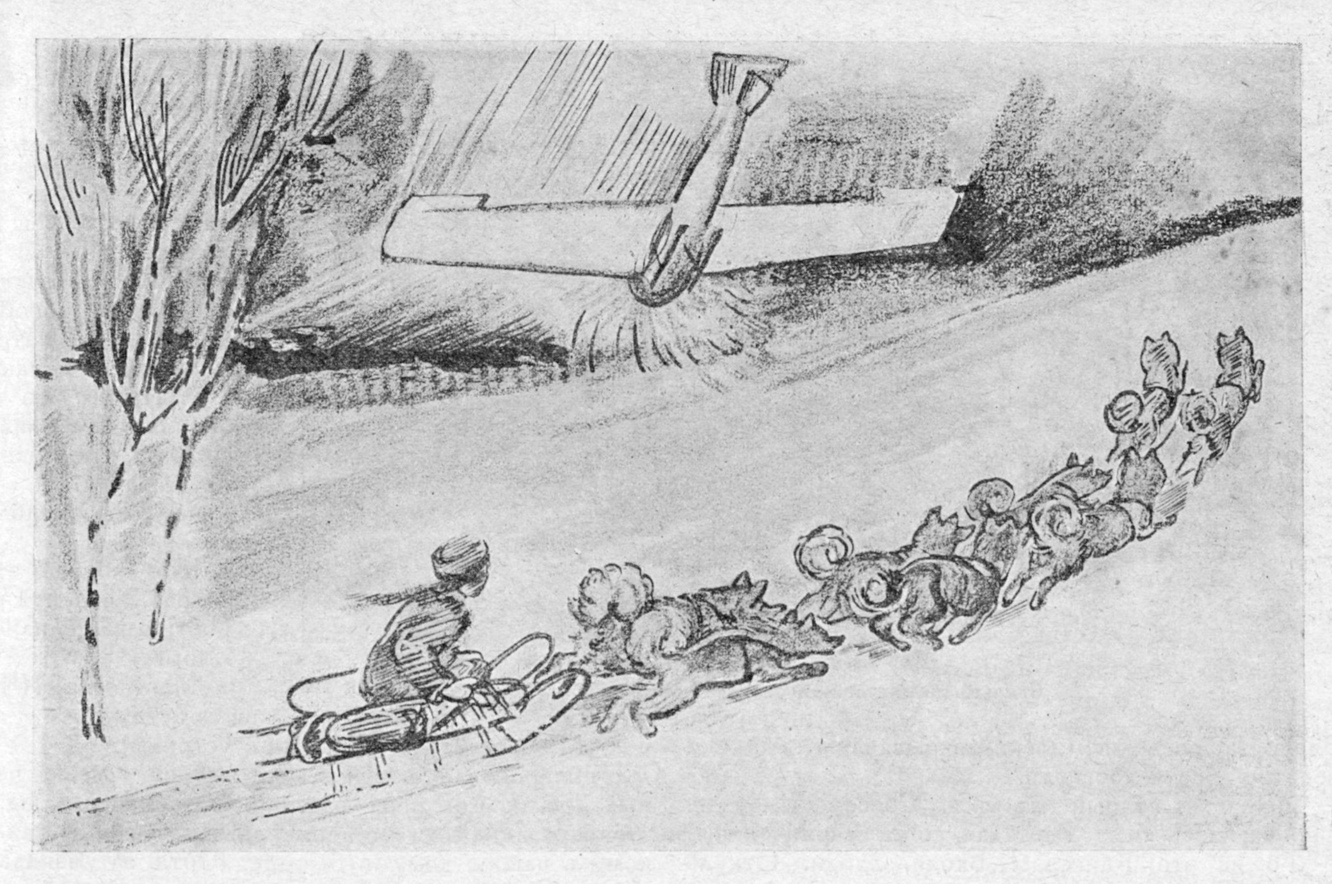
2

Вечером в юрте Ахалли, отца Теннои, собрались все жители поселка. Приехали гости с соседних стойбищ. Все видели сегодня на небе страшную птицу. Быстро разнеслась по тундре весть о том, что сын Ахалли говорил с ее цыпленком.

Теннои рассказывал:

— Еду по Морошечной тундре, слышу „дррр!“... Я думал, на море лед рушится. Посмотрел кругом— вижу летит такой, как кит, которого летом на устье Гусиной руки выкинуло. Пролетел совсем над головой, ревет ветер от него. Думал, голову мне сорвет. Вдруг он упал совсем близко, как до нашего юкольника [1]. Снег от него, как в пургу закрутило, до самого неба. Вижу из-под него лезет человек. Голова красная и глаза большие ледяные. Я думал, нинвит. Собаки понесли, удержать не могу, нарочно упал. Лежу так. А этот русский подошел, взял меня за плечи, повернул. Сильный он. Ледяные глаза отодрал, на лоб поставил—и стал настоящий русский. По-нашему говорит—„тумгытум“. Я тогда бояться перестал, пошел смотреть его летучую. Он в нее ревучий огонь пускал. Потом ящик черный достал, у ящика тоже ледяной глаз. Глаз на меня навел и велел смотреть. Ящик сделал так: „чхи“ и моргнул.

[1] Корякские балаганы, шалаши, крытые травой, служат амбарами для юколы—сушеной рыбы—и прочих припасов, строятся на высоких сваях возле юрт или на местах лова рыбы.

Летит большое, большое...

глазом. А русский засмеялся, спрятал ящик, залез на летучую и улетел...

Гости качали головами. Заговорили шопотом:

— Нинвит (злой дух). Нинвит это... Худо нам теперь будет...

Сидели, не шевелясь, не смея поднять глаз.

Старая бабка Чачуч затряслась еще больше чем всегда, заскрипела прерывистым от одышки голосом:

— Морской нинвит душу твою ловил... Капкан на нее ставил...

— Ты теперь шаманом будешь... Или умрешь скоро... Оптелхута спросим.

— Авваки завтра за Оптелхутом поедет,—сказал Ахалли.

Оптелхут—сильный шаман. Он понимает язык духов. Он спросит—зачем прилетала страшная птица. Он убьет в жертву духам самую хорошую собаку из упряжки Ахалли. Если надо, Ахалли отдаст духам всех своих собак. Их заколют копьем и воткнут их головы на длинные шесты около входа в землянку, так чтобы мертвые собачьи глаза и оскаленные пасти каждый день встречали восходящее солнце...

Поскорей бы приехал Оптелхут!

Ночь прошла. Утром отец поехал за оленьим мясом в табун дяди Аптарата. Много людей соберется, когда Оптелхут будет шаманить. Теннои ездил с отцом. Там опять рассказывал про летучего морского духа. Теперь он и сам думал, что это был не добрый русак, а злой морской нинвит.

Вечером Теннои то и дело вылезал на крышу землянки и смотрел на тундру—не едет ли шаман.

Но старый Оптелхут приехал только на третий день вечером.

Как только поужинали и женщины убрали со стола деревянные корыта с обглоданными костями, шаман приказал приготовить юрту к ночи. Разостлали шкуры на земляном полу, спустили пологи над ними, тоже из теплых шкур. Тальпун, сестра Теннои, закрыла дымовое отверстие вязкой морской травы,—так всегда делают перед шаманством. Затушили огонь в очаге. Все улеглись по своим местам. С минуту стояла тишина.

Дзень-дзень,—старик снял со стены бубен... Сильный удар, два, три и песня:—Го! го! го!..

Кейнно—о—онныи енна—а—анын
А—апа—а—апкай гайа—а—лын...

Теннои слушает. Широко открытыми глазами глядит в темноту. Слетаются духи (нинвиты) черные, мохнатые, большие, больше юрты, и маленькие, как комары. Глаза у них—красные, зубы—длинные, уши—огромные.

Бум-дзень, бум-бум-дрррр... пляшут, прыгают по бубну.

— Го! го! го! Хэ-хэнга!—сзывает их шаман еще и еще.

На непонятном языке духов заводит разговор. Они отвечают воем, бурчаньем, свистом. Мастер старый Оптелхут разговаривать с духами.

Энна—а—клак кый—и—вгы!

Поет—спрашивает, упрашивает, долго, упорно.

— Хэ-хэнга!—шаман упал. Бубен откатился со звоном. Душа шамана ушла в землю, в жилище духов. Скоро вернется, и тогда шаман расскажет, о чем говорил с ними.

— Зажги огонь, дочка. Нинвитов больше нет в юрте,—сказал Ахалли.

Замигал скупой огонек жировой лампы. Старый шаман лежал в открытом пологу с бледным лицом, без движения.

Старый шаман лежал без движения.

вспорола мешок, и белые пряники весело посыпались к ней на колени.

— Ишь, скороспелая,—заворчала на нее мать, отбирая мешок. Вслед за пряниками из мешка были извлечены: пакет сахару, коробка конфет, пачка патронов, два кирпича чаю.

— Патроны это он тебе послал, — сказал Кайгарат, передавая пачку Ахалли.

Глаза Ахалли заблестели.

— Вот хорошо это. Как раз очень нужны.

Гости развеселились.

— Го!

— Мынчаюла-а! (Чай пить будем).

Вдруг зашевелились доски, закрывающие дымовое отверстие. Все вздрогнули.

— Долго же старый молится. Совсем замерз я. Давно уж здесь сижу. Все ждал, когда старик кончит.

— Го, да это Кайгарат! Входи, входи. Откуда приехал?

Кайгарат приехал из Большого Жилья. В Большом Жилье—русские начальники и торговая юрта.

— Какие новости?

— А вот тальпук (подарок) привез от летучего русака.

— Как от летучего?

Кайгарат спустился и подсел к огню, стал греться, положив возле себя небольшой холщевой мешок, туго набитый чем-то.

Женщины повесили над огнем чайники. Хорошенько закрыли полог, в котором лежал шаман. Сверху один за другим стали спускаться гости из соседних землянок. Стало тесно.

— Теннои!—позвал Кайгарат, осматриваясь.

— Го!

— Летучий русак велел отдать тебе этот мешок. И вот картинку прислал.

Кайгарат вынул откуда-то из глубины, из-за пазухи, грязный лоскуток, развернул: между двумя тоненькими дощечками оказался небольшой белый конверт с крупной надписью.

— Здесь написано „Теннои",—сказал он.—На.

Но Теннои не взял. Он стоял, растопырив руки, и огромными от страха глазами глядел на Кайгарата.

— Чего это?—произнес он дрожащим голосом...

Кайгарат взял конверт, надорвал с величайшей осторожностью и достал фотографию. Сразу очутился в тесном кольце голов мужских и женских, молодых и старых.

— Каййе!

— Энна-на!

— Яккай-кон!

На отчетливом снимке мальчик возле юрты и собаки вышли, как живые. Сзади видны крылья аэроплана. Возгласы удивления долго не умолкали.

—Канчисялатык, авсико-о! (Поглядите, да как много)—покрыл всех звонкий голос Тальпун. Она

— Мынангыткула! (Праздник устроим).

На широких, обросших многолетней грязью чайных досках женщины расставили чашки и блюдца, стали разливать густо-коричневый кирпичный чай,—кому в чашку, кому в блюдце. Юрта затуманилась паром. Стало жарко. Гости поснимали меховые кухлянки и сидели полуголые. Крак-крак—ломался сахар на крепких зубах. Чай втягивали с шумом и бульканьем. Фотография переходила из рук в руки.

— Каййе. Все собаки Ахалли.

— На лыжах ведь птица эта.

— Ха-ха,—как живой глядит парнишка. И собаки все тут. А крылья какие...

Дзень-дзень—звякнул в пологу бубен, и мгновенно все стихло.

— Чего шум подняли?—тягуче проскрипел Оптелхут. Сердитое бледное лицо шамана высунулось из полога. Шаман заговорил медленно, с расстановкой:

— Духи сердятся. Худой праздник тюленя был нынче осенью у Ахалли. Худо духов кормил. Мало собак убил. Морской дух послал летучего кита.

Кайгарат быстро повернулся. Сердито посмотрел на шамана.

— Брось, старик. Не так это. Простой русак приехал из русского большого селения на летучей лодке. Настоящий человек.

Шаман вздрогнул. Глаза его засверкали гневом.

— Ты как здесь? Не наш ты. От нашего народа ушел. Русских начальников слушаешь. Слова стариков не соблюдаешь. Зачем не сидишь смирно у русских?

— Послали подарок парнишке отдать. Для этого приехал: летучий русак прислал.

— Какой летучий русак?

— А вот тот. Ты говоришь—нинвит.

— Морской дух сердится. Несчастье нашему народу будет. Русскую шкуру надел этот злой дух.

— Какой злой? Посмотри-ка, что тут есть.

Гости вступились за Кайгарата:

— Не злой... добрый... Сладких сухарей прислал... Сахару прислал... Ахалли пачку патронов подарил...

— И не дух совсем,—продолжал Кайгарат,—человек. Ловкий человек. Здорово на летучей лодке

ездит. И меня катал. Выше сломанной сопки поднимались, два раза кругом облетели.

— Каййе! — ахнула вся юрта в один голос.

— Дайте картинку, — сказал Кайгарат.

— На, вот, посмотри. Он протянул шаману карточку. Старик схватил, стал смотреть пристально. Твердил все свое.

— Худо.. Худо это... Тень мальчика поймал... Душу его поймал. Не будет доброго мальчишке теперь.

Но его уже не слушали. Всем не терпелось узнать — как Кайгарат катался на летучей лодке. Кайгарат начал рассказ. Гости снова взялись за чай. Шаману тоже налили чаю. Но он отказался. Ушел опять в полог, хорошенько подоткнул шкуры, лег спать. Но он не спал. Думал нерадостно, тяжело и шептал в забытьи:

— Худое, непонятное время пришло... Помирать мне надо скорей...

Чайник за чайником, чашка за чашкой, блюдце за блюдцем — едва успевали наливать расторопные хозяйки. Голые спины, груди и плечи гостей лоснились от поту. Юрта была похожа на тесную курную баню.

Гул голосов не смолкал ни на минуту. Гостинцев было много-много. Вкусная еда веселила. Смеялись сами над собой, над товарищами, над своим напрасным страхом.

— Жена Эмленвиля, увидев на небе эту страшную птицу, упала с балагана, рассыпала вязку юколы. Она убежала, а юколу с'ели собаки.

— Старая Лектынавут со страха утопила котелок в проруби.

— Тыкыят скрадывал лисицу. Стал целиться — вдруг летит страшная птица. Бросил ружье, убежал. Пропала хорошая лисица и ружье чуть не сломал.

Хозяева — отец с сыном — не принимали участия в веселой беседе. Им только сейчас удалось взять в руки фотографию. Они зажгли маленькую жировую лампочку и вместе долго, внимательно молча рассматривали удивительную картинку.

Наконец, Ахалли сказал, тыкая в нее пальцем:

— Теннои, сколько раз я говорил тебе: не надо запрягать Леляпкына в последнюю пару — совсем испортишь собаку...

От редакции

Коряки небольшой народ, населяющий северную часть Камчатки и бассейн реки Гижиги. Их главное занятие — оленеводство и рыбная ловля. Оленеводы ведут кочевой образ жизни, бродя за своими стадами, отыскивающими хорошие пастбища.

„Сидячие" коряки, т. е. те, которые занимаются рыбной ловлей и другими морскими промыслами, живут в больших полуподземных юртах. Единственный вход в юрту служит вместе с тем и дымоходом.

Коряки еще очень отсталый и некультурный народ. Они поклоняются различным богам, а шаман у них служит „посредником" между этими богами и народом. Однако, понемногу, с приходом советской власти, коряки тоже начинают приобщаться к культуре. Так Комитетом Севера при ВЦИК'е у них выстроены школы.

Плотно в кружок уселись. С интересом рассматривали фотографию...

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ГАЗЕТАМ

Очерки газетного путешественника Л. КАССИЛЯ
Рис. А. КАНЕВСКОГО

„ЗАЧЕМ ЖЕ ТЫ ПЬЕШЬ?"

Это было в прошлое воскресенье под вечер. В вагоне трамвая „Б" по случаю праздничка многие пассажиры клевали носом. От них шел спиртный „дух", запах выпитой водки. Трамвай шел и качался, как будто сам он был тоже „по случаю праздничка". В трамвае висели плакаты: „Ни одной рабочей копейки на водку!" „Водка и религия дурманят головы". „Долой водку из рабочего быта!"

На коленях одного из пассажиров сидела маленькая девочка, лет около четырех. Она внимательно разглядывала плакаты. Потом спросила:

— Папа! Что тут написано?

— Про водку тут написано, дочка,—сказал отец,—чтоб не пили ее, окаянную.

— А зачем, чтоб не пили?

— Потому что это очень нехорошо пить, дочка... Очень даже безобразно.

— А зачем же ты пьешь тогда?

В трамвае засмеялись. Отец смутился и сказал:

— Когда же это я пью? Ты видела, чтоб я пил когда-нибудь?

— Видела, видела!.. Вчера у дяди Сани ты сказал дедушке: „Тилиликнем, тятянька!" А дедушка говорит: „Тарарахнем, сынок!" И начали водку пить. Я видела, видела!

В трамвае хохотали. Смеялся, качая головой, кондуктор. Смущенно ухмылялись нетрезвые. Им, видимо, было тоже очень неловко.

Почему? Да потому, что тоже прекрасно понимали, что напиваясь, совершают очень нехорошее дело, прямо преступление перед собой и страной. Водка и вообще алкоголь—ужасная, гибельная и позорная болезнь нашего быта.

Водка—сильнейший яд. Она отравляет организм, разрушает, калечит человеческое тело, превращает мыслящего человека в неразумное животное, способное совершить всякую гадость, а потом—в инвалида. Громадные убытки несет государство от пьянства. Пьяные рабочие, приходя на работу, портят машины, вырабатывают много меньше, чем трезвые, могут натворить много бед, поджечь нечаянно завод, сами могут попасть под машину. Драки, убийства, растраты, всякие мерзости совершаются напившимися до потери сознания людьми. Пьют у нас очень много. В год выпивают по всему Союзу Республик до 32 миллионов ведер. Заграницей пьют в общем не меньше, но там пьют понемногу, а у нас сразу. Там пьют, а у нас напиваются. За этот год опилось до смерти по Союзу около 6 000 рабочих. В одном Ленинграде умерло от пьянства 283 рабочих. Там же, в Ленинграде, 25%, т. е. четверть всех рабочих—хронические алкоголики, постоянные пьяницы.

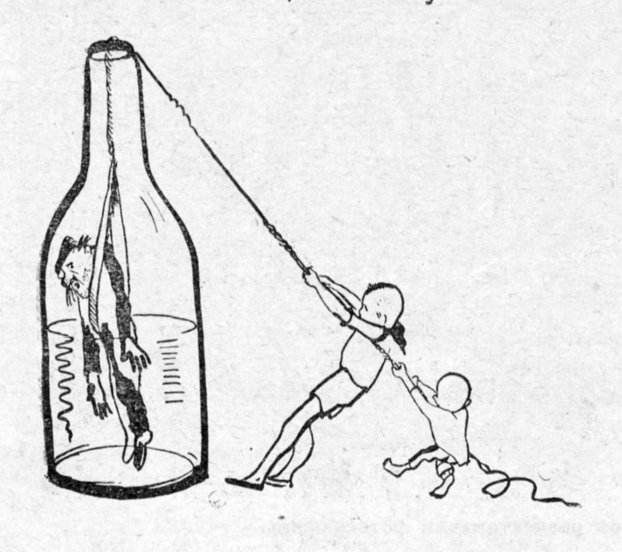
Тов. Семашко жалуется, что в лечебницах для душевнобольных нет больше мест для сошедших с ума от пьянства. Так много их... Не правда ли, ужасные цифры! Вот что делает водка. Это – самое мерзкое в том наследстве, которое осталось нам после царской России. Россия издавна славилась пьянством. Даже поговорка такая была: „Веселие Руси есть пити".

Народ, загнанный в тяжелые условия нужды и гнета, хотел хоть на часок забыться в пьяном бреду и пропивал последние копейки. А правительство царское нарочно спаивало народ: пьяного можно уговорить в чем-угодно, пьяный не думает о революции...

Теперь все изменилось. Трудящиеся получили власть в свои руки. Они могут строить сами свою жизнь, как им покажется лучше. Им незачем отравлять себя водкой. Но старая отвратительная привычка, оставшаяся от старой России, еще крепко держится в малокультурных и необразованных людях. Люди пьют, и пьют очень много. В деревнях пили самодельную водку—самогон. Самогон, сваренный из хлеба, поглощал, во-первых, громадные запасы хлеба, а во-вторых, был еще гораздо вреднее водки. Для борьбы с самогоном советскому правительству пришлось выпустить водку. Но в то же время советская власть ведет самую жестокую борьбу с пьянством, устраивая лекции, доклады, на которых доктора об'ясняют весь вред водки. Прекратить же совсем продажу водки правительство не может, потому что тогда опять начнут варить самогон и еще потому, что пока нечем заменить тот большой доход, который получается от продажи вина и идет на строительство. Но скоро промышленность даст нужный доход государству, рабочая культура разобьет вдребезги позорную вонючую бутыль, и о пьянстве тогда будут вспоминать с таким же ужасом, как мы говорим, скажем, о людоедстве. Все взрослые и дети, партийцы и пионеры, все должны помочь изгнанию водки из нашего быта. Наверное, все пионеры присоединятся к наказу пионеров Трехгорки и заставят своих отцов покраснеть, смутив их вопросом:

— Зачем же ты пьешь? Зачем же ты пьешь сегодня, когда тебе дана возможность строить такую замечательную жизнь, какой еще никогда и не было!

Вытянем отцов из бутылки

СЕМЬ И СЕМНАДЦАТЬ

Вчера ко мне в гости пришли два именинника: Сема Шаров и Петька Вальковский. Один школьник, другой фабзайченок. „Именинники" они потому, что Семе—7 лет, а Петьке—17. А цифры эти сейчас, как мы знаем, самые ударные. На 7% рабочие обещаются удешевить производство, на 17%—поднять производительность. Когда рабочие выполнят свои обещания, данные Советской стране, они, разумеется, не остановятся на цифрах 7 и 17. С таким же рвением будут они добиваться дальнейшего, еще большего снижения себестоимости и поднятия производительности. Рабочие понимают, что так они приведут страну к социализму. А чтоб еще быстрее домчать СССР к желанной черте, рабочие вызывают друг друга на соревнование. Это соревнование, которое Ленин называл социалистическим, заставит подтянуться отстающих и будет происходить до тех пор, пока мы окончательно не индустриализируем нашу страну. Ближайшие цифры на пути этого великого пробега к социализму—7 и 17.

Сема очень гордится.

— Очень,—говорит,—эта семерка мне нравится. Красивая цифирка. Я про нее все поговорки знаю. Семеро одного не ждут. Раз! Семь раз отмерь, один отрежь. Два! Семь лет без взаимности. Три! Семь дней в неделе. Четыре! Как у нашего Антона было семь сыновей. Пять! Мне самому семь лет. Это—шесть! В нашей стенгазете написано, что надо товары сделать дешевле на семь процентов. Семь!

И Сема торжествуя написал пальцем на запотевшем стекле громадную семерку.

Тогда заговорил серьезный Петька:

— Ну, а мне семнадцать. Поговорок на этот счет мало, зато толку много. Мы вчера наших старших обогнали: на шесть болтов больше их сварганили. Ловко? Мы добьемся 17%. Факт.

Я хотел угостить „именинников" чаем, но они заторопились, и Сема, прощаясь, об'яснил:

— Петя, у нас в школе доклад будет, говорят сейчас об этом со-ци-а-ли-сти-че-ском соревновании, про семь и семнадцать.

Петька задумчиво молчал. Ему было досадно, что о семнадцати нет ни одной пословицы. Вдруг он весело вскинулся и щелкнул пальцами.

— Кругом семнадцать! Знаешь, раньше так говорили: „кругом шишнадцать". А теперь семнадцать. Вот как! Кругом семнадцать.

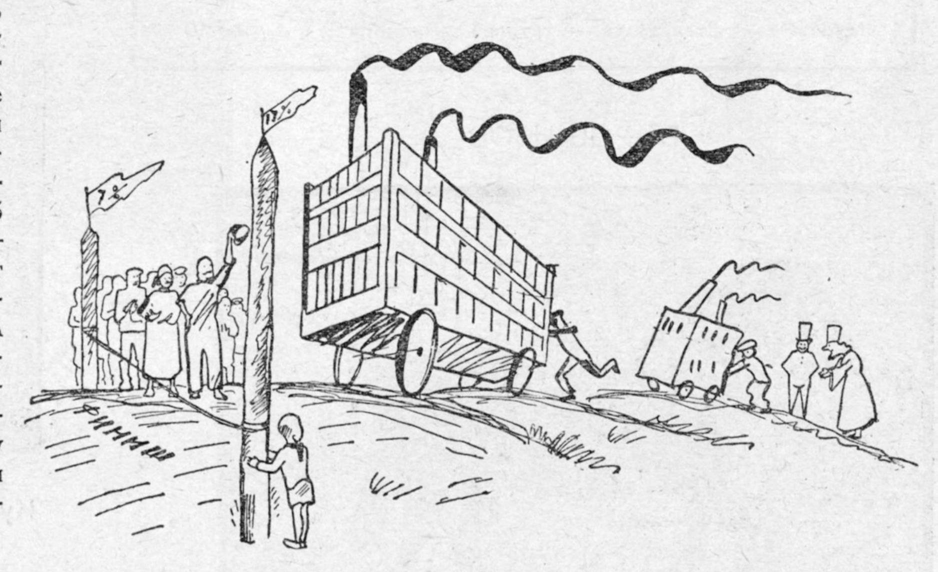
И они пошли деловито и сосредоточенно. Семь и семнадцать.

* * *

Погода была неважная. Скверная погода, попросту говоря. Но харьковские пионеры не боятся насморка. Чихать им на погоду. Тысячи пионеров, школьников, комсомольцев вышли на демонстрацию. Ребята несли знамена и плакаты. На плакатах было написано:

„Мы вызываем наших отцов принять участие в великом социалистическом соревновании. Удешевляйте продукцию! Увеличивайте выработку

Производственное соревнование

Чья фабрика скорей придет к цели?

Мы сами покажем пример нашим родителям За работу!"

„Мы хотим видеть наших отцов настоящими строителями новой жизни! Мы хотим, чтобы наши отцы покончили с разгильдяйством, пьянством и ленью!"

„Ребята! Советское правительство и партия ждут от рабочих снижения себестоимости продукции на 7% и увеличения выработки, повышения производительности труда на 17%. А ну, на перегонки! Кто первый доведет свой завод до этих цифр, до семи и семнадцати?"

„Эй, заводы! Вперед! Взапуски к социализму! Раз! Два! Три!"

Старт взят. Отцы откликнулись на вызов детей. Не захотелось им отставать от молодняка. Завод за заводом вступают в состязание. Целые губернии подписывают между собой договоры на снижение стоимости товаров и увеличение выработки. Комсомольцы, инициаторы социалистического соревнования, пока идут впереди. Они создают свои молодежные бригады, в которых участвуют и беспартийные молодые рабочие. На Курской железной дороге такая бригада отремонтировала за неделю 10 вагонов, вместо семи обычных. На заводе „Возрождение" молодежь выработала на 40% больше, чем взрослые. Взрослые рабочие тоже подтягиваются. Великое состязание началось. Города, заводы, губернии спешат наперегонки к заветным цифрам: 7 и 17.

Ходу!.. Ходу!..

СПЕЦИАЛЬНЫЙ № НОМЕР №: РИСУНКИ И О РИСУНКАХ!

МАЙ стенгазета читателей „Пионера“ № 10

ВОРОШИЛОВ

дер. Ивановская Рис. деткора А. Г.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ КРАСНАЯ АРМИЯ!

г. Кинешма Рис. деткора С. И.

В ЛЕСУ

Курвушская школа Рис. Зои Эховой

О РИСУНКАХ

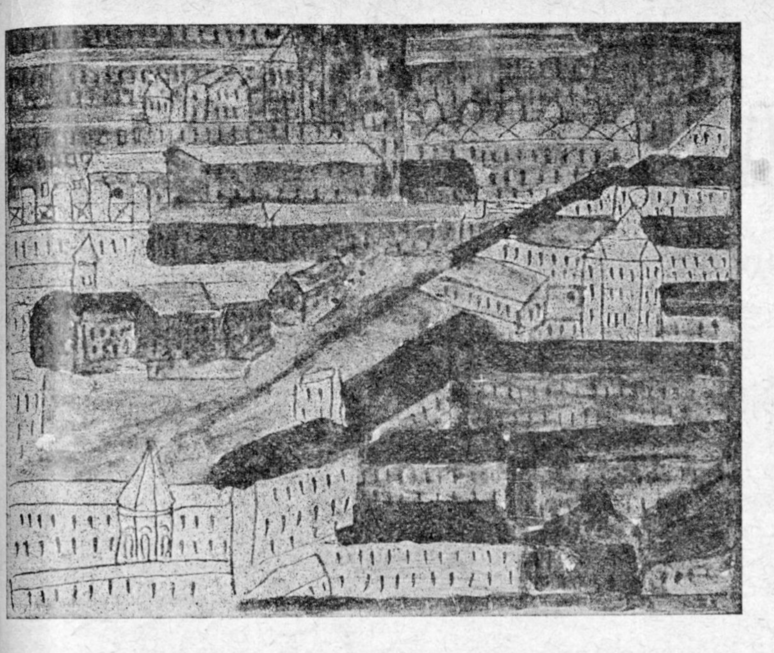
Редакция «Пионера» получает очень много рисунков, прис лаемых на конкурс. Среди них больше половины срисованы с открыт журнальных иллюстраций и т. д. Такие рисунки не надо посылать, даже не надо делать, потому что это не приносит никакой польз Самое ценное в рисунке—это впечатление или воспоминание о том, ч ты видел. Поэтому полезно рисовать с натуры простые и знаком вещи: обстановку, в которой живешь и работаешь, портреты сво друзей, которых при этом лучше не заставлять сидеть неподвижн Надо стараться изобразить их в окружающей обстановке, за их об денными занятиями. Хорошо также рисовать по памяти то, что вид или в чем участвовал: баскетбольный матч праздничную демонст цию и т. д.

Очень интересно и полезно рисовать и такие вещи, которых т не видел и видеть не мог, но о которых почему-либо имеешь ярк представление, например, катастрофу дирижабля на дальнем Севере и охоту на леопарда. Представления о таких вещах часто возника под впечатлением прочитанных книг. Поэтому очень полезно рисова иллюстрации к литературным произведениям, которые хорошо знае и любишь.

Рисуя, надо думать о том, как устроен предмет, который изобр жаешь, например, рисуя белку, сидящую на задних лапках (см. ри Зои Эховой), полезно подумать о том, как устроены лапки, как о сгибаются в суставах и т. д.

В ближайшее время наш конкурс будет закончен. Тогда «Пион об'явит новый конкурс на рисунок по определенному заданию.

Готовьтесь к новому конкурсу!

г. Рубцовск — Рис. деткора Т. К.

г. Рыбинск — Рис. деткора А. М. Круглова

РУБКА ЛЕСА

дер. Лобановка — Рис. деткора А. Измайлова

г. Лебедянь — Рис. деткора Матюнина

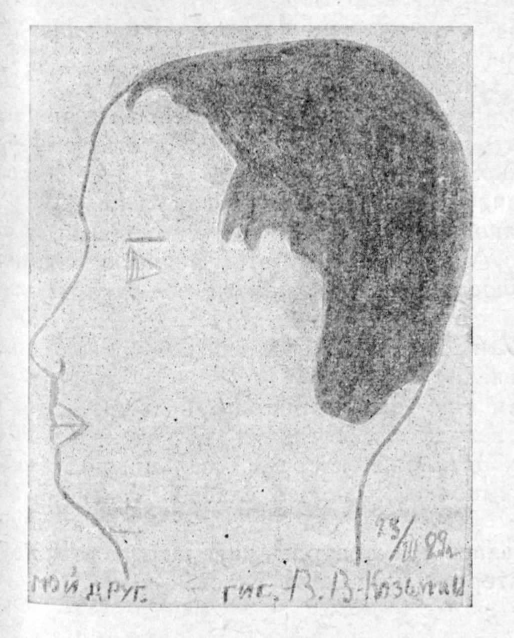

Рис. деткора В. Козьмина

СЕНОКОС

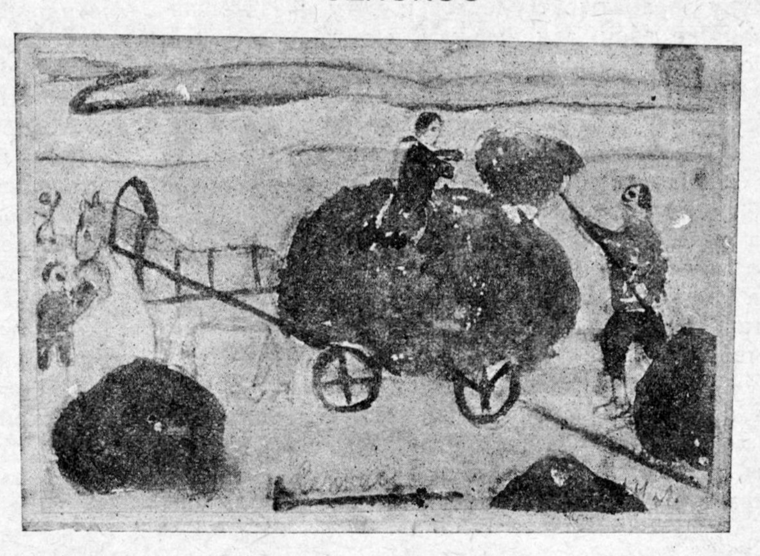

Рис. деткора Глызина

(Продолжение)

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХ ГЛАВ

Шапкиных Демида и Верочку покидает мать; их берут в коллектор для беспризорных и сирот. Там Дема дружится с Гудковым и Лизой. Из коллектора Дему, Гудкова и Лизу отправляют в игрушечную школу-мастерскую в другой город. Верочка остается в коллекторе. Завхозиха привозит Деме 10 руб. и Верочку. Дема предполагает, что деньги от матери и не хочет брать, но Верочка и Лиза заставляют его. Верочку помещает в семилетку, а на квартиру—к трубочисту Банкину.

Разговор с Андроновым оказался камнем, брошенным в мозг Демы, он взбудоражил все привычные мысли, он разбудил новые, до того не появлявшиеся.

Первое, что открылось Деме—это возможность через год сделаться взрослым, независимым, освободиться от завхозихи, Ольги Ворсовны, от Всеволоса, и даже от матери.

Стать взрослым и от всего свободным—сделалось для Демы мечтой, излюбленной мыслью. Он не расставался с нею ни днем, ни ночью, придумывал к ней новые подробности, пока не создал полную картину жизни, которая будет у него и Верочки через год.

„Я буду зарабатывать десять и могу сказать завхозихе: „Мне твои, али чьи там, деньги не нужны". Так и скажи. „У Лизки я буду брать по пяти рублей в месяц взаем (она тоже будет зарабатывать) и переведу Верку в хороший дом, где не пьют и живут не на полу. Я ей куплю книжки, коньки, буду водить в кино, а летом, мы, пожалуй, куда-нибудь поедем".

Дема увлек своей мечтой Лизу, и она пообещалась не только пять рублей, а весь заработок отдавать на Верочку. Дема по-иному взглянул на токарный станок и на свою учебу.

Раньше ему просто было интересно работать, а теперь и нужно. Каждый поворот станка его приближал к мечте, и парень начал гнать станок, чтобы скорей добежать до цели. Работая, вытачивая первые вещицы, неумелые и убогие, он радостно думал, что вытачивает свою иную, взрослую и свободную жизнь.

Но тот же разговор с Андроновым принес для Демы и сумрачные мысли. Они приходили по обыкновению в самый разгар мечтаний.

„Куплю коньки, будем кататься", мечтает Дема и вдруг... „А почему я должен, я один, заботиться о Верочке. Мать надо забыть, говорит Андронов, тогда Верочка станет моим товарищем. А Андронов ей кто? Тоже товарищ. Тогда почему он не хочет дать ей одного рубля?"

Выходило, что забывши мать, надо забыть и Верочку, заботиться о ней не больше, чем о всех прочих. А если помнить Верочку, то надо помнить и мать. Дема долго путался в этом тупике и однажды высказал свои сомнения Андронову.

Андронов криво усмехнулся:

— Чудак, право. Мать тебя бросила и нечего с ней возжаться. И чего попусту ломать голову. В общественном деле не должно быть сестер и братьев, все товарищи, а здесь дело не общественное.

Деме нужно было на чем-то успокоиться и он согласился с Андроновым, и потом всячески изгонял мысли по общему вопросу, как же все-таки нужно относиться к своим родным.

Вечером Узик в спальню мальчиков привел подростка и сказал:

— Вот вам еще один товарищ, положите его с кем-нибудь, завтра ему поставят кровать,—и ушел.

Подросток остановился среди спальни, под электрической лампочкой, дающей слабый красноватый свет. Струя электричества по дороге от станции обескровливалась драмтеатром, кинематографом, клубами и в интернат притекала хилой.

Подросток нерешительно переминался, точно был обведен чертой, которую не перейдешь.

— Иди сюда, покажись!—крикнул Андронов. Он сидел на кровати и группе товарищей читал газету. Эти читки и разговоры после них назывались „кружком текущей политики".

Подросток шагнул и молча остановился перед Андроновым. Он был грязен, оборван, вз'ерошен, весь как-то топорщился. На худом лице торчали острые скулы, как торчат у теленка молодые только что выбившиеся из-под кожи рога, глаза отсвечивали страхом и в то же время дерзкой решимостью.

— Что какой запуганный?—спросил Андронов.

— Я не боюсь,—ответил подросток коротко и сухо.

— А глядишь зверем. Садись, слушай, может есть хочешь? Дежурные, не осталось ли чего от ужина?

— Хлеб, суп весь выхлестали,—ответил Гудков из-за перегородки, где была столовая и где он промывал посуду.

— Принеси хлеба.

Гудков вышел с куском.

— Кому, кто голоден?

— Новичку,—Андронов показал на подростка.

Подросток протянул руку за хлебом, но вдруг почему-то отдернул и попятился.

— Ну, бери,—проворчал Гудков, но, разглядев подростка, тоже попятился. На его белобрысом малоподвижном лице появилось выражение озадаченности и удовольствия.

— Пузырь, ах каналья! Демка,—закричал Гудков,—это же Пузырь, тот самый Пузырь. Помнишь, какое он письмецо написал своему папаше?

Дема подскочил к новичку, узнал в нем действительно Пузыря и сказал:

— Здравствуй.—Ему вспомнился коллектор, утро и изгнанный Пузырь, с громким плачем уходящий к своему отцу. Дема поглядел на Гудкова и подумал: „Что же будет? Снова выгонят Пузыря?"

— Товарищи!—Гудков поднял левую руку, в правой он держал кусок хлеба.—Это наш товариш Пузырь,—помялся, помычал и прибавил,—старый знакомый,—повернулся к Пузырю и сунул кусок хлеба,—ешь.

Пузырь, ожидавший, что Гудков расскажет, как его выгнали из коллектора, а потом возьмет и выведет за дверь, несмело взял хлеб и отошел в угол.

— Я читаю,—об'явил Андронов.

Гудков прошелся по спальне, похлопал Пузыря по спине и сказал:

— Вот как бывает.—Ешь-ешь. Здорово ты, видно, голодал, где был?

— Дома.

— Отец тебя не кормил что ли?

Пузырь не ответил и вгрызся в хлеб.

Дема уступил Пузырю половину своей кровати. Они лежали, глядели друг на друга и помалкивали. На них глядел Гудков, и тоже молчал. За окном стояла яркая и холодная ночь, какая-то пустая, точно клуб после заседания, в котором забыли потушить огни.

Деме показалось, что Гудков заснул, и он шепнул Пузырю на ухо:

— А тебя не выгонят! Гудков все такой же, он и сюда привез свою тетрадку.

Дема заметил, как в глазах Пузыря появился испуг.

— Он, ведь, такой, у него никакой пощады. Где ты жил, худ больно.

— Я у отца ригу сжег и чуть не весь хлеб. Он меня убить хотел. Соседи не дали,—шепнул Пузырь. Дема подумал, что Пузырь врет и спросил:

— Как тебя зовут теперь?

— Колькой.

Гудков шевельнулся, Пузырь отпрянул от Демы и закрыл глаза, и так, незаметно для себя, заснул. На другой день Гудков отозвал Дему, увел на черную лестницу и сказал многозначительно:

— Пузырь-то пролез. Проклятая крапива—не выдерешь. Я думаю сказать Андронову. А?

— Говори.

— Пойдем вместе. А может сперва Пузыря спросить?—Пузырь был так оборван и замучен, что даже в Гудкове шевельнулось сомненье—а надо ли преследовать его, гнать, добивать, но Гудков все же решил спросить и вызвал Пузыря на лестницу.

— Ты как попал к нам?

— Меня назначили.

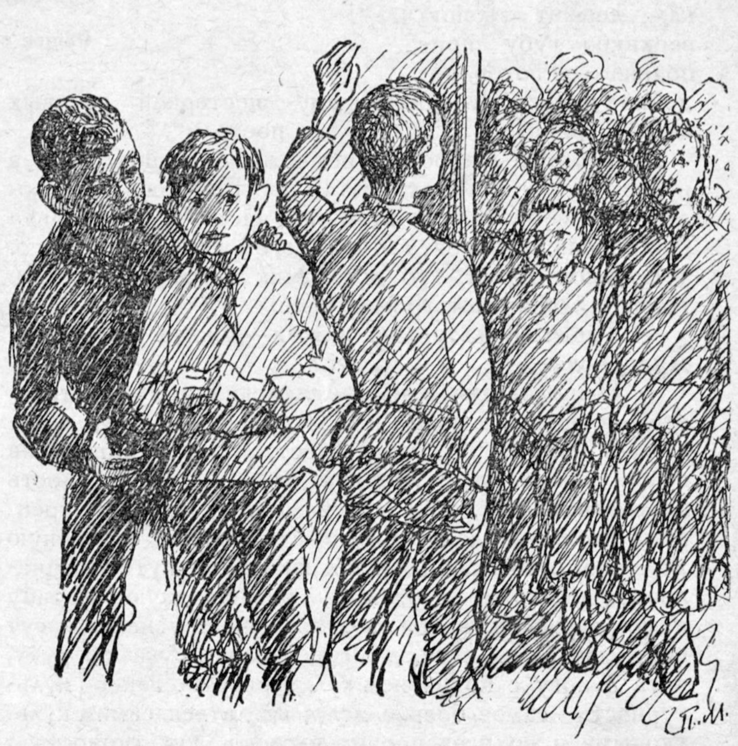
— Папеньке своему такие же письма будешь писать, как то?

Пузырь достал из кармана газетину, развернул и без слов подал Гудкову.

„Пожар, или отцы и дети.

В деревне у местного кулака-лавочника в ночь на первое ноября сгорела рига с четырьмя овинами хлеба. Ригу поджег сын кулака тринадцатилетний Колька. Кулак исхлестал Кольку вожжой до полусмерти и хотел совсем убить, не заступись за него бедняцкая часть деревни. На допросе Колька показал:

— Отец, говорит, своим богачеством запирает дорогу моей жизни. Из-за него меня вытряхнули из детского дома. Понял я, что надо мне возненавидеть своего отца, иначе жизни мне не будет, и возненавидел.

Дема подскочил к новичку.

Этот пожар—ясный показатель, как устремилась наша деревня к социализму и новому быту. Она ломает все препятствия, отрывает детей от отцов кулаков, делает их ярыми врагами. Колька, один из многих, которые поняли, что возврата к старому нет и быть не может, и с ненавистью сжигают вонючий труп прошлого, будь он родным отцом. Таких Колек нельзя отталкивать, когда они тянутся к нам, а надо окончательно перерабатывать в новом духе, помогать им развязываться с проклятым прошлым.

Селькор Зуб".

Гудков прочел заметку дважды, в раздумьи потеребил себя за ухо и проговорил:

— Лихо ты с отцом-то разделался, где только смелости набрал. Газетку ту бережешь. Правильно.

— Папенька ухлопал бы меня. Клялся он, что все равно найдет меня и кишки выпустит.

— Не дадим!—Гудков топнул ногой и скомандовал:

— Ну, катай-ка на работу, мотор загудел.

КУЛЬТПОХОД

Общее собрание. В зале все сто двадцать человек воспитанников, преподаватели, мастера, заведующий школой и технический персонал. За председательским столом третьеклассник Ермаков, горластый парень, черноволосый и сторожкий, как коршун. На многолюдных собраниях председательствует всегда Ермаков, он умеет управлять толпой. Ермаков подобрался, острыми глазами вбирает весь зал, в руках держит звонок, верхнюю губу приподнял—он готов, подобно кучеру, управляющему шестеркой ретивых коней, крикнуть: „Гей, милые, поехали".

Общее собрание.

На трибуне Андронов, немножко смущен, мнет в руках газету и оглядывается на Ермакова. Многолюдные собрания бывают не часто, и докладчика Андронова беспокоят сотни глаз, обращенных на него.

Ермаков видит, что докладчик готов, и, тряхнув головой, об'являет громогласно:

— Тише! Культурный поход—доклад товарища Андронова.

— Наша партия и наш Ленинский коммунистический союз молодежи,—выкрикнул докладчик, передохнул, подался корпусом навстречу залу и, понизив голос, продолжал:—учитывая, что малограмотность рабочего класса, тьма и невежество, кcторые крепкими когтями держат нашу отсталую суеверную деревню, есть главный пень на нашем пути к социализму, об'явили жестокую, беспощадную борьбу некультурности. Наши хозяйственные успехи могут подниматься и итти дальше только рука об руку, нога в ногу с поднятием культурности. Теперь культурность—самое боевое дело, сделаться самим культурными и во всех прочих вложить культурность наша святая обязанность перед партией и Советской властью. Я уверен, что все вы, как один, дружно и согласно, без разгильдяйства откликнетесь на призыв партии, комсомола и наркома по просвещению товарища Луначарского.

Каковы же наши задачи? Перво-наперво мы должны подтянуть себя, чтобы у нас не было таких случаев, когда комсомолец не знает истории и жизни своего союза, не знает жизнеописания вождя нашего Ленина. Когда обзывает своего товарища по школе похабными словами, курит, бездельничает, а не читает газет и книг, не ходит на собранья—это все надо сместь с лица земли культурным походом.

Потом мы должны пойти к отсталым рабочим и темным крестьянам и раз'яснить, что загадочного в мире людей и природы ничего нет и быть не может, а есть классовая борьба, Советская власть и индустриализация страны, и буржуазный мир, который надо смести.

Андронов умолк, он потерял слова и мысли. В зале чувствовали, что доклад не закончен и терпеливо ждали, пока докладчик боролся со своей забывчивостью.

— Товарищи, я продолжаю. Культурный поход не должен быть недельной кампанией, вся наша жизнь и работа должны быть культурным походом. Учком вместе с культкомиссией разработал ряд мер, которыми мы можем участвовать в культпоходе: кроме повышения своей культурности и сознательности, выделим несколько дружин и бросим их на ликвидацию неграмотности, на сбор книг, железного лома (стране нехватает железа), поведем драматическую работу среди кустарей.

Я предлагаю обсудить все вопросы и вынести правильное постановление.

Андронов откинул волосы, упавшие на лоб, и сошел с трибуны. По докладу говорили многие, никто не высказывался против похода, но многие сомневались, следует ли браться за ликвидацию неграмотности.

Андронов настоял, что нужно выделить группу по борьбе с неграмотностью. После того, как приняли решение о задачах культурного похода игрушечной школы, началась часть организационная. Для веденья похода выбрали штаб из трех человек: Андронов, Ермаков и Первый токарь. Всех учеников поделили на дружины:

1. По сбору железного лома—начальник Демид Шапкин.

2. По ликвидации неграмотности—начальник Ермаков.

3. По сбору книг и пропаганде книги среди кустарей—начальник Соколова Лиза.

Ведение политико-просветительной работы поручили Андронову; санитарной—санкомиссии; драматической — кружку; поднятие труддисциплины — старостату.

(Продолжение следует)

100 000 ПОЧЕМУ

Так называется одна не совсем обыкновенная книга

КНИГА-ВИКТОРИНА

Вся она состоит из вопросов и ответов на них. В начале ее помещено двенадцать загадок.

1

Что теплее: три рубашки или рубашка тройной толщины?

2

Бывают ли стены из воздуха?

3

Бывает ли у огня тень?

4

Почему вода не горит?

5

Может ли вода взорвать дом?

6

Почему печка гудит, когда топится?

7

Почему мы дуем на спичку, когда хотим ее потушить?

8

Бывает ли прозрачное железо?

9

Почему хлебная мякоть вся в дырочках?

10

Печка греет, потому что ее топят. Почему греет шуба?

11

Почему суконное платье гладят через мокрую тряпку?

12

Почему по льду можно кататься на коньках, а по полу нельзя?

А дальше идут еще интересные вопросы:

давно ли люди моются?

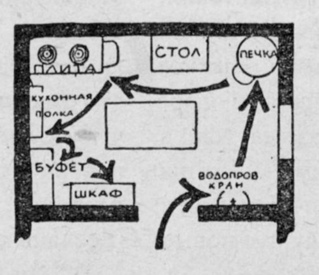
что старше: нож или вилка?

из чего сделаны железные вещи?

И много других. И на каждый дан ответ. Оказывается, например, что

„мыться люди стали совсем недавно. Лет триста тому назад даже короли не считали нужным мыться каждый день. В роскошной спальне французского короля лет 300 тому назад вы нашли бы огромную кровать, такую большую, что ее нельзя было стелить без помощи специального инструмента — постельной палки. Вы нашли бы там пышный балдахин на четырех раззолоченных колоннах, похожий на маленький храм. Вы нашли бы там великолепные ковры, венецианские зеркала, часы работы лучших мастеров. Но сколько бы вы не искали, вы не нашли бы ни умывальника, ни даже простого таза.

Каждое утро королю подавали мокрое полотенце, которым он вытирал лицо и руки. И все находили, что этого вполне достаточно“.

Или оказывается, что железные вещи сделаны не из железа.

„Вернее не из одного железа, а из сплава железа с углем и другими веществами. Чистое железо стоит так дорого, что простая кочерга, сделанная из него, обошлась бы рублей в двадцать пять. Но эта кочерга была бы не только дороже, но и хуже.

Чистое железо слишком мягко. Сделанная из него кочерга согнулась бы при первой же попытке пустить ее в ход. Гвоздь нельзя было бы вбить в стену, а перочинный нож годился бы только для разрезывания книг. Чистое железо настолько мягко и так легко растягивается, что из него можно было бы делать „железную бумагу“ легче и тоньше папиросной“.

Книга-путеводитель

Это все та же самая. Своими вопросами и загадками она ведет нас в незнакомую, удивительную, загадочную страну, которая называется

наша комната

Путешествие идет по маршруту от станции к станции. Вот эти станции.

План

Сначала становится досадно на автора: обещал загадочную страну, а отправился... в свою собственную комнату. Но потом оказывается, что в этой комнате достаточно загадочного, ничего о ней толком не знаешь. И становится досадно уже на самого себя, что не можешь толком ответить, почему вода не горит. И много обычных вещей, происходящих у нас в комнате, мы не можем об‘яснить, а из этой книжки узнаем. Конечно, в ней не 100.000 почему, а много меньше, но все-таки самые простые и в то же время непонятные явления она об‘ясняет. Поэтому она не только книга-викторина, не только книга-путеводитель, но и

КНИГА - СПРАВОЧНИК

Но справочник читать все-таки скучно, в него можно только заглядывать, когда есть нужда. Однако наша книжка до конца особенная, ее и читать интересно.

Любопытно и про

обед в средневековом замке

„Компания усаживается за стол. Аппетит у всех волчий. Кравчий—слуга, подающий мясо,—приносит из кухни, находящейся на дворе, огромное блюдо с дымящимся медвежьим мясом. Разрезав мясо на куски, он подает его на острие ножа обедающим. Мясо густо наперчено и обжигает горло. Четверть медведя исчезает в четверть часа. За ней следует кабаний бок с таким же жгучим соусом, олень, зажаренный целиком, лебеди, павлины, рыба.

УМЕЕТЕ ЛИ ВЫ СМОТРЕТЬ

Очерк Н. ШАМЕТА
Рис. М. АСКИНАЗИ

— Не задавайте глупых вопросов,—обидятся самые сердитые из читателей „Пионера“.—Что мы— слепые или близорукие? Умеем смотреть хорошо.

Погодите, товарищи сердитые читатели, обижаться. Редакция нисколько не сомневается, что глаза у вас есть и работают они исправно. Но умеете ли вы ими пользоваться? В этом-то вся загвоздка. Вы считаете, что умеете, что 12—15 лет (от самого рождения)—достаточный стаж, чтобы уметь смотреть? А вот посмотрим.

Разверните лист газеты. Каждый день он приносит нам известия:

— Около Сызрани открыты залежи фарфоровой глины.

— Под Минском найден кремнезем.

— У Воронежа разведка обнаружила уголь.

Тысячи людей ходили по фарфоровой глине, по углю, смотрели на них и не видели на что они ступают. Может быть и вы сейчас ходите по таким или еще более ценным подземным богатствам.

Наша страна очень нуждается в каучуке. Каучук—это сгустившийся сок некоторых деревьев и растений. Из каучука делают резину. Каучуковые деревья у нас не растут. Каучук на десятки миллионов золотых рублей мы покупаем заграницей, у английских капиталистов. Дерут они с нас за каучук семь шкур. Резина нужна нам до зарезу. Из нее делают галоши, шины для автомобилей, перчатки для электротехников, изоляцию для проводов и тысячу других необходимых вещей. Чем дальше, тем больше нам нужна резина. За пять лет в СССР было построено всего 1544 автомобиля. А через три года будет готов завод, который выпустит только в один год сто тысяч автомобилей. Рассчитайте сами — во сколько раз больше для них понадобится резиновых шин. А электростанции? А велосипедный завод? Деревня требует галоши. На это нужна резина, все больше и больше резины.

Наши ученые давно уже бьются над тем, как можно искусственно, из химических веществ, делать каучук. Советское правительство об'явило премию в сто тысяч рублей тому, кто откроет этот секрет.

Корни хондриллы с наплывами.

Много советских экспедиций ездили в далекие страны, переезжали океаны, перебирались через горы, в Мексику, Африку, Бразилию—в поисках за теми каучуконосными растениями, которые могли бы расти у нас. Но чужестранные каучуконосы плохо прививаются в СССР.

Но самое интересное то, что у нас под носом нашли много растений, которые содержали этот самый каучук. Десятки миллионов людей смотрели на эти растения, срывали их, рассматривали и... не видели. Вот герань, самая обыкновенная герань, растущая в горшочках на окнах. Оказывается, в ней содержится каучук. Задача заключается в том, чтобы вывести особенно богатые каучуком новые сорта герани. Из теперешней герани каучук добывать невыгодно— его в ней мало. Вы, наверное, тоже смотрели на герань и не видели, что из нее можно сделать галоши.

На песчаных берегах Каспийского моря разбросаны рыбачьи поселки. Рыбаки собирают на песчаных отмелях Каспия какие-то коричневые трубочки. Потом они эти трубочки жуют и выплевывают резиноподобную жвачку. Тысячи людей видели эту жвачку рыбаков и не обращали на нее внимания.

Год назад работник больницы рыбных промыслов, т. Карис, заинтересовался этими трубочками— наростами на корнях одного местного растения. Оказалось, что эти трубочки—чехлики личинок моли, живущей на корнях растения — хондрилла. Карису удалось из этих трубочек добыть полкило каучука. Растение это содержит в своем млечном соку не очень много каучука. Но личинки моли, питаясь корнями, вызывают вытекание млечного сока, в котором каучука больше. Если в хондрилле каучука 7%, то в трубочках уже 25—30%.

В нескольких тысячах километров от Каспия живет другой наблюдательный человек—начальник станции Ташкентской жел. дороги—т. Кузнецов. Он тоже заметил, что местное население жует каучукоподобное вещество из наплывов на подземных частях одного растения, растущего на барханах (песчаных холмах). Оказалось,

что это тоже хондрилла, но только другого вида, близкий родственник первой хондриллы. Но у этой хондриллы наплывы гораздо больше—по 200—400 грамм и, стало быть, каучука в них больше.

В январе 1929 г. телеграфист на ст. Хоргос, около Западного Китая, т. Иконников, живущий еще дальше, в нескольких стах километров от т. Кузнецова, прислал в Москву пакет с наплывами хондриллы. Он сообщает, что хондрилла в очень большом количестве растет в Туркестане, но на нее никто не обращает внимания, кроме ребят, которые выкапывают корни и жуют их. В этом же письме он рассказывает об одном местном молочае, из которого легко надавить полное блюдечко млечного сока. Если поставить блюдце дня на четыре на солнце, сок высыхает, оставляя на дне пластинку. Она гнется как резина.

С месяц тому назад в газетах было напечатано, что в Ленкоранском уезде в Закавказьи найден род гусениц, из коконов которых можно добыть каучук.

Как видите—оказалось, что почти везде на юге Советского Союза растет много каучуконосных растений. Если бы ученые знали о них раньше, мы бы уже теперь вывели такие сорта этих растений, которые особенно богаты каучуком. Мы бы имели свой советский каучук. А ученые могли бы узнать раньше об этих растениях, если бы у нас было больше людей, умеющих видеть.

Вот еще один хороший пример уменья видеть. В тропических странах растет трава под названием „куркума“. Из этой травы добывается краска, тоже называемая „куркумой“. Она употребляется для окраски конфет, печенья и т. п.

Конфет едят у нас много, и эта краска ввозилась к нам из заграницы на сотни тысяч рублей. Много говорили о том, нельзя ли чем заменить эту краску „куркуму“ своей краской, но ничего не выходило.

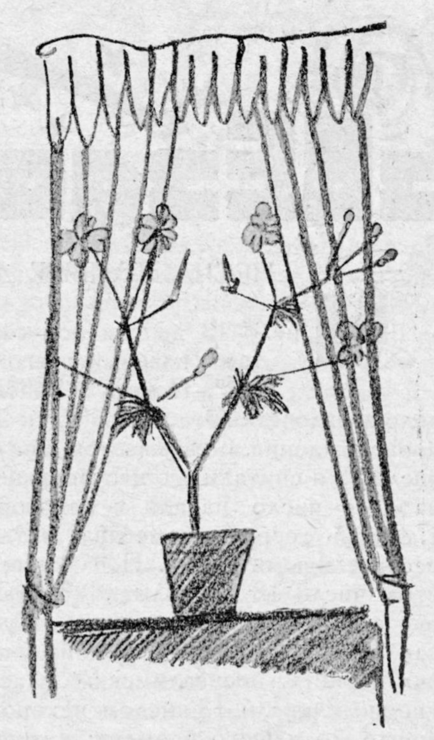
Летом 1927 года поехал к себе в деревню около г. Люботина на Украине один из служащих кондитерского треста в Харькове, т. Ересько. Однажды, гуляя, он встретил старика, который собирал на лугу цветы. Ересько стал расспрашивать старика и узнал, что из этих цветов в деревне приготовляют краску для окраски холста. Ересько набрал этих цветов и привез их в Харьков. Там их исследовали и нашли, что краска этих цветов не уступает заграничной куркуме и совершенно безвредна.

Цветы назвали „новый свет“ и посеяли их на специальном участке.

В прошлом году цветы дали урожай краски. Этот урожай оценили в несколько сот тысяч рублей. Кроме того, семена растения дают масло, которое тоже можно употреблять в кондитерском производстве. Можно указать еще на известные теперь всем кенаф и кендырь, которые раньше считались сорными травами, земледельцы выжигали их, для того, чтобы на их месте сеять хлеб. А теперь кенаф и кендырь нарочно сеют на сотнях гектаров для текстильной промышленности.

Оказывается, можно и не только галоши, но и шины.

Можно ли из герани делать галоши?

Что вы теперь ответите на наш вопрос? Умеете ли вы видеть?

Иметь пару глаз совершенно недостаточно. Надо еще уметь ими пользоваться, уметь быстро схватывать качества и свойства тех предметов, которые вы встречаете. Наблюдательные люди могут открыть вещества необычайно ценные для нашей советской страны. Небольшое, на первый взгляд, открытие, может с‘економить миллионы рублей.

Таких людей, наблюдателей природы—еще очень мало. Их об‘единяет Всесоюзный Институт Прикладной Ботаники в Ленинграде. Они называются „боткорами“—ботаническими корреспондентами.

Учитесь быть наблюдательными! Учитесь смотреть в жизнь и делать выводы из того, что вы видете!

А когда научитесь смотреть, напишите нам, что вы увидели интересного.

ДОКАЖИТЕ

ЧТО ВЫ УМЕЕТЕ

СМОТРЕТЬ

ЗВЕЗДОЧЕТ

НЕСЧАСТЛИВЫЕ ДНИ И ЧИСЛА.

Число 13 до сих пор считают нехорошим. Даже называют его „чортовой дюжиной". Почему? Знать это — опять-таки дело звездочета. Эта нелюбовь к 13 весьма древнего происхождения. Оказывается, еще *римляне* не любили числа 13 и считали его несчастливым. В их календаре на 13-е число падали в некоторых месяцах *иды*, т. е. день „середины месяца", и такие *иды* считались несчастливыми днями. После утверждения христианства число 13 продолжало считаться нехорошим и несчастливым: Христос и его 12 учеников составляли как раз 13 человек и один из учеников (Иуда) предал Христа иерусалимским властям. И христиане упорно считали 13 числом нехорошим. Это суеверие дошло до нашего времени: и теперь иные хозяйки очень не любят, если за стол садится 13 человек.

Но если были нехорошие, несчастливые числа, то были, конечно, и несчастливые дни. В частности *понедельник* и в наше время считается „тяжелым" днем. Откуда идет такое суеверие? Тоже из далекой древности. Еще в древнем *Вавилоне* понедельник, второй день планетной недели из 7 дней, считался тяжелым, несчастливым днем; но, ведь, это было чуть не за 20 веков до нашей эры. Понедельник у вавилонян был посвящен богу месяца. А бог месяца считался довольно немилостивым богом, не дающим особенной удачи. Вот почему в то время и не любили понедельника. Ну, а теперь? Теперь считать понедельник тяжелым днем... прямо совестно.

Все „числовые суеверия" пришли к нам из Вавилона. Вавилонские жрецы развили целое учение о „добрых" и „злых" числах. К луне относилось число *семь:* оно поэтому считалось злым числом. Отсюда и понедельник — несчастливый, тяжелый, „злой" день, как день луны. Римляне понедельник так и называли: лунэдиес, т. е. день луны. Итак, от вавилонян—к римлянам, от римлян—к европейцам и, наконец,—к нам. То, что принималось с глубокой верой в 20—10 веках до нашей эры, принимается и в 20 веке после нашей эры. Действительно, совестно и стыдно.

Звездочеты, боритесь с суевериями! Боритесь с бытовым суеверием о тяжелых днях и несчастливых числах. Прочитайте у себя в отряде поучительную и интересную книжку: проф. И. И. ЧИСТЯКОВ „Числовые суеверия" (ГИЗ, 1927 г.).

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК «ЗВЕЗДОЧЕТА»

Все, кто заинтересовались тем, что пишется в «Звездочете», пишите о ваших сомнениях, о ваших наблюдениях, о том, что вас особенно интересует в астрономии. Астрономическую работу, астрономические наблюдения пионерам вести очень полезно. Пионер, как будущий борец с религией, должен хорошо знать астрономию. В «Звездочете» постепенно будет рассказано о том, что можно наблюдать на небе весною и летом. Заводите у себя в отрядах бинокли для более планомерных и научных наблюдений на небе. Пишите в почтовый ящик «Звездочета».

АСТРОНОМИЧЕСКИЕ КУРЬЕЗЫ.

1. ДВА АСТРОНОМА И ЗАТМЕНИЕ.

За две тысячи лет до нашей эры в Китае процветала астрономия. Задолго до нашего времени китайские астрономы умели предсказывать затмения. И вот два астронома ХИ и ХО, как рассказывают старинные китайские летописи, когда были в нетрезвом состоянии, забыли о предсказаниях и не оповестили население о том, что должно наступить затмение солнца. Затмение наступило без предупреждения и народ перепугался. ХИ и ХО за такое упущение были казнены смертью.

2. СКОЛЬКО НА НЕБЕ ЗВЕЗД?

Рассматривая небо, мудрец из сочинений Козьмы Пруткова на счет числа звезд на небе говорит: „Никто необ'ят ного об'ять не может". Астрономы, однако, не боятся „необ'ятного": они высчитывают расстояния и число звезд в различных областях вселенной. Число звезд, видимых *простым глазом*, на нашем северном полушарии не больше 2.000. Только люди с очень острым зрением смогут, пожалуй, насчитать около 2.500 звезд. А ведь *впечатление* от усеянного звездами неба совсем иное: кажется, что звезд *бесконечно много.* Прекрасно выразил это впечатление Михайло ЛОМОНОСОВ, великий крестьянский сын и великий ученый, в двустишии:

„Открылась бездна
звезд полна:
Звездам числа нет,
бездна дна".

Значит глаза наши видят на небе совсем мало звезд. Ну, а в телескопы?

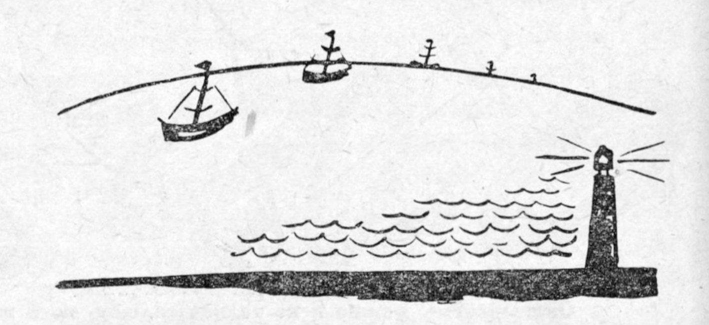
В сильные телескопы астрономы могут видеть *миллионы* звезд. И не только видеть, но и подсчитать число звезд на разных участках неба. Вселенная доступна измерениям: вот почему астрономы и не боятся „необ'ятного", а стараются его измерить.

3. КАК ДОКАЗАТЬ, ЧТО ЗЕМЛЯ ШАР?

Таких доказательств несколько и все они убедительны. Только не надо выдумывать новых, не продумав их. Во Франции в одной из школ одна девочка выдумала такое „доказательство" шарообразности земли: то, что земля кругла, доказывается *радугой*. Всякий видал радугу, но доказывает ли явление радуги, что земля шар? Подумайте-ка.

А вот еще доказательство, всем хорошо известное: постепенное появление корабля (или парохода) на море из-за горизонта. Рис. внизу поясняет хорошо это доказательство. Так как земля *выпуклая* (как всякий шар), то корабль не сразу, а именно постепенно, „по частям" показывается из за горизонта. В прошлом веке жил один самоучка, любитель астрономии. Жил он в Одессе. Часто наблюдал подходящие к городу суда. И не наблюдал, по его словам, почти никогда постепенного появления корабля. Из этого он заключил, что земля не шар. Прав ли он был? Как можно было бы его убедить, что его, наблюдения несовершенны?

Ну-ка смекните, молодые звездочеты. Как бы вы убедили упрямого самоучку? Он обращался к ученым и заявлял, что астрономы ошибаются. На самом деле, он ошибался. Есть, конечно, еще и другие доказательства шарообразности земли. Но самоучка, живший в Одессе, их знал или не знал может быть, не верил им.

ВОРОТА УЧЕНОСТИ

Очерк В. ЧЕРЕВКОВА

Михаил Васильевич Ломоносов родился двести с небольшим лет тому назад—в 1711 году, в семье крестьянина села Денисовского, Архангельской губернии.

Светловолосый, подвижной и любознательный парнишка Михайло рано выучился грамоте по псалтырю у сельского дьячка. Скоро Михайло стал самым ученым в своей деревне, но скоро же эта „ученость" начала тяготить его. Слишком хлопотна она: и отцу угождай чтением из церковной книги „Жития святых", и на клиросе читай, и в хору пой, и все одно и то же, ничего нового, ничего для самого себя. Ведь, тогда единственными книгами, с которыми мог знакомиться Михайло, были церковные, а их в округе он уже все перечитал. Михайлу же волновали такие вопросы, о которых и помину не было в этих книгах.

— Вот чудодей! Отчего снег идет!—ворчал отец, когда Михайло обращался к нему за разрешением этих вопросов.—От бога это все, от него, брат,— и толкал докучного сына,—поди-ка лучше сеть почини, время-то зря проводишь.

Дьячок отвечал по-иному, но сводил к тому же:

— Не нашему грешному уму, парень, выведывать у бога его тайны.

Такие постоянные ссылки на бога не могли, конечно, удовлетворить умного парня.

Любил Михайло выезжать с отцом на рыбную ловлю в открытое море.

Перед его глазами расстилалась тогда безграничная водная равнина, окруженная со всех сторон голубой опрокинутой чашей неба. Он сидел у руля и думал о величии природы, о могуществе человеческого ума, который побеждает эту природу.

Вот сейчас какая глубина под ними внизу? А они без опаски плывут над страшной пропастью, и поймав ветер в тугие паруса, заставляют его везти их куда надобно.

А там что, на самом дне? Может быть, и там какая-нибудь своя жизнь, и нет ей до нас никакого дела, как нет дела до нас зверью в лесах или самоедам на берегах реки Мезени. Все живет по-своему, а нам кажется, что иначе, как мы, и жить нельзя.

ЛОМОНОСОВЪ

Вот чайка взвилась вверх, блеснула на солнце острым белым крылом. Как она залетела сюда? Где-то присядет теперь в этой пустыне, чтобы закусить мелькнувшей у нее в клюве рыбой?

Медленно падает солнце в воду у самого края моря. Вот окунулось оно, и сомкнулась вода над ним. А завтра оно встанет на другом конце моря, как ни в чем не бывало. Отчего все это?

А ведь как хочется знать!

Наступала суровая в тех краях зима, когда птицы нередко падают сверху мерзлыми комочками. Тогда солнце почти не показывается. Шесть долгих месяцев жили бы здесь люди во тьме, если бы на смену солнцу не появлялось величественное и прекрасное северное сиянье. Тогда в той стороне, где море, полнеба вспыхивало диковинным пожаром. Дрожали и переливались разноцветные яркие лучи, холодным блеском своим разрывая и рассеивая ночь.

— Отчего? Почему?..

В одной деревне случайно познакомился Михайло с зажиточным мужиком Дудиным. У него в доме он нашел довольно большую библиотеку. С жадностью он набросился на книги, но тотчас же разочаровался. Все сплошь были старые знакомцы-церковники. Большинство было перечитано, а другие, Михайло знал по опыту, ничего нового ему не дадут.

— Нет, Христофор Евстигнеич,—с какой-то даже обидой сказал он,—не то мне нужно.

Опечаленный он рассеянно перевернул крышку какой-то серенькой книжонки. Книжка заинтересовала Михайлу, исчезло для него все окружающее. Он бормотал, сжимал себе голову руками и не оторвался от книги, пока не прочел ее до конца.

Ни одного слова о боге, о церкви, о чудесах, об ангелах и архангелах! Совсем что-то новое, непохожее на все, что до сих пор читал Михайло.

Этой книгой, захватившей Михайло, как увлекательный рассказ, была составленная Магницким по приказу Петра I арифметика для мореплавателей.

— Ишь ты, как забрало парня,—с изумлением сказал хозяин и ушел по своим делам, увидев, что от него не добьешься сейчас ни слова.

А когда Михайло кончил, Дудин с лукавой улыбкой преподнес ему другую книжку—грамматику Смотрицкого.

— А эта как?—подмигнул он.

С дрожью в голосе, страшась отказа, Михайло стал просить дать ему эти книги на дом.

— Нету, малец,—решительно сказал Дудин,—у меня читай сколько влезет, а на руки не дам. Потому—берегу, как зеницу ока.

Однако через Дудиных, сыновей, с которыми Михайло специально на этот случай подружился, он достал драгоценные книги и уже с ними не расставался. Эти книги потом Ломоносов сам называл „воротами своей учености".

Это были ворота в новый открывшийся перед глазами Михайлы Ломоносова мир—мир науки.

Недаром Пушкин назвал Ломоносова „первым русским университетом".

НА ФАБРИКЕ СВЕРДЛОВА

(Обзор дневников)

Дневников всего у пионеров ф-ки Свердлова 11, звеньев 12. Одно звено говорит, что дневника нет потому, что „Зотов (вожатый) не дал тетради“.

В пяти дневниках не написано, какому звену они принадлежат.

Что же во всех этих дневниках написано?

Давайте заглянем!

Вот тетрадка, обернутая в газету. На газете написано: „Дневник 1-го звена 76-го отряда“. На первой странице дневника список звена и отметка о посещаемости.

На второй странице—план.

План помещен на странице, разграфленной на четыре части. Вот этот план:

Что должно быть на сборе	*Кому поручено*	*Как выполнено*	*Как прошел сбор*
1. Притти Никулиной рассказать об Осоавиахиме.	*Поручено Юдиной.*	*Юдина выполнила хорошо.*	*Сбор прошел хорошо.*
2. Достать азбуку Морзе и учить с ребятами.	*Поручено Моренковой.*	*Моренкова выполнила хорошо.*	*Сбор прошел хорошо.*
3. Девчата должны принести рукоделия, а ребята делать модель.	*Ивановой и Раевскому.*	*Иванова свое поручение выполнила хорошо и Раевский тоже хорошо.*	*Сбор прошел ничего.*
4. Должны провести игры в шашки и другие.	*Горшкову.*	*Горшков свое поручение выполнил хорошо.*	*Сбор прошел хорошо.*
5. Заниматься физкультурой.	*Митину.*	*Митин выполнил хорошо.*	*Сбор прошел ничего.*

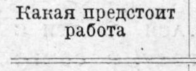
Таким образом, Митин должен, на страх врагам, заниматься физкультурой. Сколько времени он должен заниматься круглые сутки или только по 15 минут в день—мрачная тайна 1-го звена 76-го отряда.

Что именно должны делать Иванова с Раевским—редакция не знает.

Ну и хитрое это 1-е звено: записывает свой план так, что даже самый проницательный человек ничего понять не сможет.

Но ни на минуту ни Иванова, ни Раевский не теряют присутствия духа и „свое поручение выполнили хорошо“. А от этого самого „сбор прошел ничего“. Какой сокровенный смысл таится за шифрованным словом „ничего“—редакция не знает.

Если бы это звено хотело писать план так, чтобы его могли понять все, то они написали бы его так:

Какая предстоит работа	Кому поручено и к какому сроку	Отметка о выполнении
1. Познакомиться с работой Осоавиахима.	Юдиной сходить в ячейку Осоавиахима и попросить т. Никулину притти 6 апреля на сбор звена.	Юдина свое поручение выполнила.
2. Изучать азбуку Морзе.	Моренковой достать азбуку Морзе, познакомиться с ней и на сборе 10 апреля провести занятие на звене.	Моренкова спросила у вожатого отряда, где можно достать азбуку Морзе, он ей посоветовал посмотреть последние номера журнала «Вожатый». Там она нашла ключ азбуки Морзе и об'яснение. К сбору Моренкова подготовилась и занятия провела.
3. Девчатам заниматься рукоделием, а мальчикам строить модель.	Ивановой поручено купить иголок и ниток, всем девочкам принести на сбор материал для рукоделия. Раевскому—достать фанеры, гвоздиков и красок. Срок выполнения 13 апреля.	Иванова купила то, что ей поручили, только одна катушка оказалась негодной: нитки прелые. Девочки материал принесли. Раевский поручение тоже выполнил, но нигде не мог достать синей краски.
4. Играть в шашки и другие игры.	Горшкову к следующему сбору звена 17 апреля достать 4 партии шашек и военно-морскую игру.	Горшков взял у хозкома 2 партии шашек и 1 шахмат. Одну партию шашек он сделал сам из катушек. Военно-морской игры он не достал, т. к. в ней нехватает трех фигур. Вместо этого он достал домино.
5. Заниматься по физкультуре.	Митину к 20 апреля подготовить вольные движения и провести занятие со звеном.	Митин прочел книжку «Физкультура в пионеротряде» и два номера журнала «Вожак» и подготовил по ним вольные движения. Кроме того, он придумал пирамиду из 8 человек.

Такая запись мало похожа была бы на шифр, все ее могли бы понять. Да кроме того, в ней можно получить и кое-что полезное: так, например, можно узнать, где найти азбуку Морзе, что читать о физкультуре и т. д.

Приблизительно такие же планы имеются у всех звеньев. За редким исключением, ребята проводят свои планы. Бывают такие случаи—ребята прибегают к вожатому и говорят: „Что нам делать? Наш руководитель не пришел“ (это в звеньях „специального назначения“). Чаще всего в таких случаях звено начинает заниматься физкультурой, иногда читают книжку. Но бывает иногда, что звено расходится по домам.

Что касается поручений отдельным ребятам, то иногда случается так, что поручение оказывается невыполненным, но в большинстве случаев поручения выполняются.

Справа вверху—пирамида, которую провел Митин. На остальных снимках члены—рабочей дружины помощи пионерам.

Вот лежит дневник 3-го звена 76-го отряда. Раскрываем его и читаем запись о работе звена в детском саду:

„1 апреля мы в первый раз пошли в детский сад. Так как мы учимся в разных сменах, то мы разделились на две группы — одна группа будет приходить в 9 ч. утра, другая — в 2 часа дня.

Когда мы пришли в детский сад, то нас распределили по группам, где мы и работали — играли и читали ребятам (маленьким). Все-таки в первый раз мы проработали удовлетворительно. Нас взяли врасплох: мы думали, что нам дадут работу, а нас заставили играть с маленькими ребятами, и мы еще не совсем освоились.

8 апреля работа в детсаду шла уже лучше. Мы пришли тогда, когда ребята еще спали, нам дали работу: девочки шили мешки, а мальчики клеили книги. Когда все это было сделано, то маленькие дети уже просыпались. Мы их стали одевать и обувать. Перед чаем мы их вымыли. Потом играли с ними (в хоровод, лото и т. д.)“.

Наверху — заседание штаба. Внизу — ребята занимаются химией.

Как видите, запись хорошо показывает, что делают ребята в детском саду. Все ясно.

А вот почитайте дневник 6-го звена 25-го отряда:

„На четвертом сборе была у нас беседа о санитарии: беседу проводила санитарка из Центрального дома ЮП. Это у нас было сверх плана. По плану мы должны были делать мячи, это нам не удалось, т. к. не было шпагата. После всего этого ребята поссорились и остановились на том, что передали на штаб Карпинскую и Парфенову. Когда штаб разобрал в чем дело, то сделал замечание Парфеновой, Карпинской и Богомолову“.

Попытаемся разобраться в этой записи. Прежде всего, когда был сбор? К сожалению, этого не написано, значит неизвестно. О чем говорила санитарка: о первой ли помощи в несчастных случаях или о содержании в чистоте своей комнаты? Что это за мячи ребята хотели делать? И зачем для мячей шпагат? А „после всего этого ребята поссорились“... Мы бы тоже поссорились с ребятами, которые так плохо ведут дневник. Так и остается тайной, из-за чего поссорились ребята, почему двоих из них передали на штаб и причем тут еще и третий.

Рисунков в дневнике тоже нет. Вообще рисунков в дневниках у свердловцев мало. В некоторых дневниках их совсем нет, оставлены только пустые места для рисунков. В некоторых дневниках украшением являются переводные картинки. Но есть дневники, в которых много рисунков. Таким дневником является дневник 1-го звена 76-го отряда, — там много рисунков, показывающих работу звена: там и зарядка нарисована, и шашечная доска, и экскурсия на Ленинские горы и т. д.

И, наконец, хочется привести еще одну запись. Запись эта была в дневнике... Впрочем, не будем писать, в каком звене, а то свердловцы обидятся, скажут: „а-а, мы вам дневники даем читать, а вы нас протаскиваете!“

Одним словом, была такая запись:

„На сборе мы выработали план. Сбор прошел хорошо“.

Вот и попробуйте узнать, какой был выработан план, кому что поручили и т. д. Попробуйте потом проверить, как такой „план“ проводится, как работают отдельные ребята, лучше ли они стали и лучше ли они работают, чем работали раньше. Трудно по таким записям составить хоть какое-нибудь представление о звене.

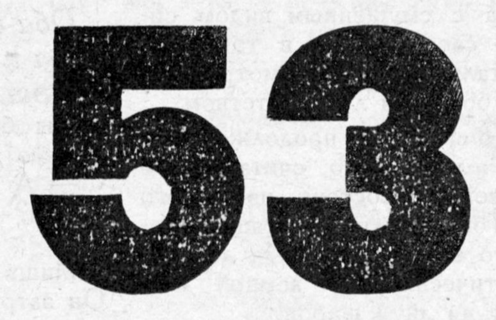
Редакция проводила на фабрике им. Свердлова конкурс на лучший дневник звена. Были установлены две премии лучшим в этом отношении звеньям.

И вот, когда конкурс закончился, результаты получились такие: первой премии никому нельзя было дать. Не оказалось такого дневника. Вторую премию с натяжкой получило 1-е звено, 76-го отряда.

Конкурс решили продолжить. Недели через три редакция снова соберет все дневники, и на этот раз уж наверное найдется дневник, за который можно будет дать первую премию.

Пионеры фабрики им. Свердлова проводят сбор подписки на журнал «ПИОНЕР».

До последнего времени ими собрано

подписчика. Большинство подписчиков — трехмесячные.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Наиболее активные сборщики подписки: ЮДИНА, ФРОИНД, Ж. БОГОМОЛОВ, ЕЛКИН и др.

ТАИНА ЗЕМНОГО ШАРА

Загадка И. ОКСТОНА
Рис. М. АСКИНАЗИ

Миша Втулкин недурно решал задачи, недурно писал сочинения, но очень плохо ориентировался в географической карте. На уроках географии он поражал весь класс своими познаниями.

Вызовет учитель Мишу к немой карте и предложит ему указать Черное море... Миша, поблуждав по карте взором, наконец, уверенно ткнет пальцем в остров Исландию.

Москва у него неизменно оказывалась где-то в Турции, а иногда она даже перелетала океан—как германский дирижабль.

Иногда Мишка задавал соседу по парте вопросы, возникавшие в его странно устроенном мозгу.

— Почему,— спрашивал Миша,—в Волге вода не соленая? Ведь она течет из Каспийского моря, а в море вода соленая!

Однажды на уроке географии нам была предложена письменная работа о земном шаре. Миша долго обдумывал тему, что-то вычислял на бумаге и, наконец, подал свою работу, размером в половину тетрадного листа.

На другой день, возвращая нам тетради, учитель взял Мишину тетрадь и сказал:

— О работе тов. Втулкина стоит поговорить особо. Он сделал величайшее открытие, заткнув за пояс самого Коперника!

Миша с смущенным видом сидел на своем месте, в то время как остальные ребята смотрели на него с большим любопытством.

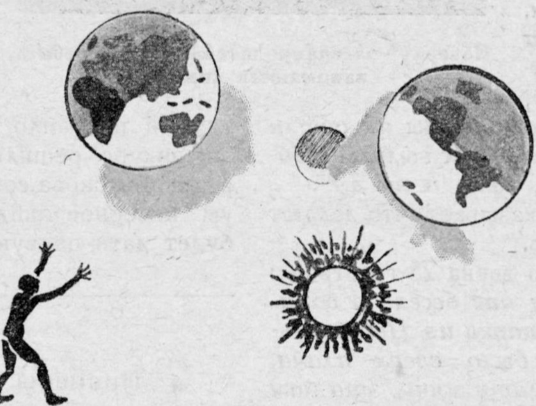
— До сих пор,— продолжал учитель,—человечество считало, что наша земля состоит из одного шара. Тов. Втулкин блестяще опроверг это заблуждение. Он доказал математически, что земной шар состоит из двух шаров!

Многие уже улыбались, но каждому было интересно выслушать до конца.

— Сейчас я вас ознакомлю с этой замечательной теорией,—продолжал учитель и стал читать Мишино сочинение.

Тетрадь Миши Втулкина со стороны казалось совсем обыкновенной тетрадью. Кто мог думать, что в ней была изложена такая великая теория.

„Земной шар,—писал Миша,—имеет круглую форму и вертится вокруг солнца и луны. На земном шаре есть африка, СССР, Тропики и другие материки, причем горы всегда выше, чем низкие места. На земле имеются также реки и климаты. Земной шар состоит из северного, южного, восточного и западного полушарий. Так как полушарие есть половина шара, то, значит, земной шар состоит из четырех половин шара, то-есть из двух шаров.

Миша Втулкин заблудился в мировом пространстве.

Оба шара одинакового размера и соединяются вместе океанами“.

Мы были поражены математическою проницательностью Миши.

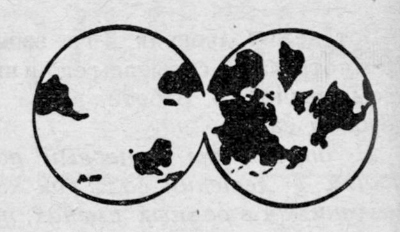
— А на котором же шаре мы живем?—задал учитель Мише вопрос.

Миша стоял и хлопал глазами. Он затруднялся ответить на этот вопрос. Тут мы уже не могли удержаться от хохота. Громче всех смеялся Куликов. Учитель вызвал его к доске, а сам написал на ней.

Северное полушарие	.	$^1/_2$
Южное	»	. $^1/_2$
Восточное	»	. $^1/_2$
Западное	»	. $^1/_2$

— Нет ли здесь ошибок спросил он.

— Нет,—ответил Куликов.

Два земных шара.

— Теперь сложи эти дроби и подпиши итог!

Вася быстро сосчитал и подписал итог: **2.**

— Значит, Втулкин прав? Значит, земной шар состоит из двух шаров?

Вася молчал, сбитый с толку.

Сообразительные читатели, если разгадаете тайну земного шара — шлите разгадку в редакцию.

КУЗЬКИ ВСЕ ЕЩЕ НЕТ
ГОВОРЯТ, ЕГО ВИДЕЛИ
НА МОСКОВСКИХ УЛИЦАХ
ПЕРВОГО МАЯ 1929 г.

КТО ПОЛУЧИТ ПРЕМИЮ?

Конкурс на лучшую школьную заметку закончен.

Кто же получит премию?

Редакция обещала премировать 10 лучших заметок. К сожалению, такого количества хороших заметок о школьной жизни не набралось.

Редакция премирует всего три заметки. Премию получают.

1) Игорь Лизенгевич (г. Каменец).

2) О. Добкин (адрес неизвестен).

3) Илья Мышалов (г. Балашов).

Редакция просит этих деткоров прислать свои полные, подробные адреса и указать, что они хотят получить в качестве премии: журнал „Пионер“ на год или же библиотечку из следующих книжек:

1) Разин И.—В поход за знанием.

2) Грязнов Ин.—Искатели мозолей.

3) К работе по-новому (о новой системе пионерработы).

Почему же премированы эти заметки?

Вот почему.

В заметке Игоря Лизенгевича дан ряд коротеньких эпизодов.

Игорь сумел в нескольких строчках хорошо дать небольшие картинки школьной жизни.

А когда прочтешь все эпизоды, получается целая картина школьной жизни.

Лишнего в заметке ничего нет. Написана она литературно, читать ее интересно.

Заметка О. Добкина очень хорошо рисует урок в конце триместра. Хорошо изображено напряжение, состояние ребят, тип преподавателя, и под конец Добкин ставит вопрос, кто виноват.

Самый факт—о лампочке Юденича—тоже интересен. Заметку читать интересно.

Когда прочтешь заметку Ильи Мышалова, то сперва кажется, что факты в заметке разбросаны. Это до некоторой степени верно. Но в общем Илья хорошо рассказал о взаимоотношениях мальчиков и девочек у них в школе. Особенно ценна заметка тем, что она поможет ребятам других школ разобраться в этом вопросе, так как вопрос о товариществе очень ярко изображен в заметке.

В конце заметки Илья предлагает кое-что для того, чтобы исправить некоторые недостатки, и обещает прислать еще материал по этому вопросу. Но он знает, что этого мало, и призывает других деткоров высказываться о товариществе мальчиков и девочек. Этот его призыв мы горячо приветствуем.

В заключение, дорогие читатели, остается сообщить вам о решении редколлегии „Пионера“: редколлегия решила печатать целиком только те заметки, которые будут написаны занятно и будут задевать интересные вопросы, так чтобы всем интересно было читать. Образцами таких заметок служат премированные заметки.

Остальные заметки будут печататься в переработанном виде.

А перерабатывать заметки будет Кузька, Маруся Губкина (она согласилась это делать), Г. Градов и работники редакции.

Кроме того, ребята, под своими заметками никогда не забывайте подписываться и указывать свой точный адрес.

А то получается так; присылает деткор заметку, а ответить ему редакция не может. Деткор ждет ответа и, не дождавшись, очень обижается.

Часто бывает так: пришлет деткор рассказ, а адрес написать забудет. Через месяц пишет, что послал рассказ, а ответа нет и просит: „отвечайте скорей—адрес прежний“. Опять ответить нельзя. А деткор очень сердится и пишет, что в редакции бюрократизм и т. д.

А чего бы проще адрес прислать?

Редакция

БЕРИТЕ ПРИМЕР

11 НОВЫХ ПОДПИСЧИКОВ

Здравствуй, дорогая редакция журнала „Пионер“! Шлю пионерский привет и желаю вам набрать подписчиков больше 100 000 человек.

Прочитав пятый номер журнала, я быстро и решительно стал вербовать подписчиков. Раз'яснял, чем полезен и интересен журнал, выступал на утреннике и в результате собрал 11 подписчиков (из них трое подписались на 2 месяца и 8 чел. на 1 месяц). Сам я подписался на целый 1929 год, еще в декабре.

С. Кузнецов.

Я думаю, что теперь Кузька и мною будет доволен.

Теперь буду вести непрерывную связь с вами.

С пионерским приветом

С. Кузнецов

Пос. Плавск, Тульской губ.

ВАСЯ-ВЕРБОВЩИК

Уважаемый Кузька!

Хоть и очень трудно было мне это сделать, но я завербовал десять подписчиков.

Фотокарточки у меня, к сожалению, нет, — поэтому прислать не могу, так ты напечатай мое письмо так, а карточку я пришлю после.

Потом, Кузька, я хочу с тобой вести переписку — ты мне присылай советы по работе среди пионеров и комсомольцев. Я сам комсомолец но очень заинтересован работой пионеров.

Кузька, поскорей пиши мне письмо, а то у меня терпения нехватает ожидать ответа.

Вася Трут

п/о. Зильдярово, Белебеевского кантона ШКМ.

Пусть и родители читают „Пионер“.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ!.. ВЫЗЫВАЮ!!!

Шлю Кузьке пламенный привет и желаю хорошо прожить 14-й год и завербовать много подписчиков.

Я сам подписался на „Пионер“ на 3 месяца и вызываю сделать то же следующих пионеров отряда при Исетской ШКМ: Таркову, Бизину, Хлыстунова, Преображенского Гашкову, Валову, Мертвищеву и др.

Кузьма Шилков

Исетск

Цена 20 коп.

ОТГАДАИ

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ, ПОМЕЩЕННЫХ В №№ 4 и 5 „ПИОНЕРА“

№ 16 (ЗАДАЧА)

Те же 9 пекарей. Дело в том, что во сколько раз количество хлеба во втором случае больше, чем в первом, во столько же раз и время дается большее. Вследствие этой пропорциональности число пекарей останется то же.

№ 17 (КАКАЯ ЭТО ПОСУДА)

Колба; А. Блок.

№ 18 (КАКОЙ ЭТО ГОРОД?)

Ялта (насекомое—тля).

№ 19 (ЧТО ТЯЖЕЛЕЕ?)

Оба ведра весят одинаково. Дерево, плавающее в одном из ведер, не нарушит равновесия ибо по закону Архимеда вес вытесненной жидкости равен весу плавающего тела.

№ 20 (ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ)

1) Ленин 1870—1924,
2) Пушкин 1799—1837,
3) Лермонтов 1814—1841,
4) Чернышевский 1828—1889,
5) Исаак Ньютон 1642—1727,
6) Кропоткин 1842—1921,
7) Достоевский 182—1881,
8) Бебель 1840—1912,
9) Лассаль 1826—1864,
10) Чарльз Дарвин 1809—1882,
11) Тургенев 1818—1883,
12) Радищев 1749—1802,
13) Энгельс 1820—1895
14) Некрасов 1821—1877
15) Гоголь 1809—1852.

№ 21 (РЕБУС)

Физкультл
раис(а) порт ве
ноJ э до (б) ровь я.
ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ—ЗАЛОГ ЗДОРОВЬЯ.

№ 22 (ЗИМНИЕ РАМЫ)

Учитель посоветовал пионеру замазать и первые и вторые рамы, чтобы в пространство между рамами не проходил ни теплый ни холодный воздух.

№ 23 (ЗАКИПИТ ЛИ ВОДА?)

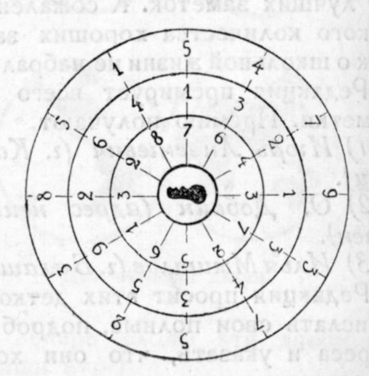
Нет, потому что, как известно из физики, для кипения воды (как и другого вещества) нужно не только нагреть до температуры кипения, но и сообщить некоторый запас тепла, называемый „скрытой теплотой“. Но этот запас тепла вода в бутылке не получит, ибо как только температура ее станет равной температуре воды в кастрюле, т. е. 100°, прекратится дальнейший переход тепла.

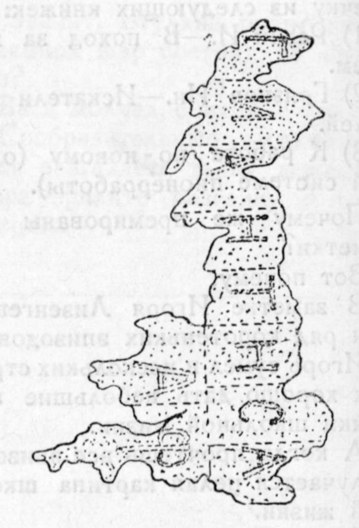
№ 24 (ЗАДАЧА О ЗЕРКАЛЕ)

Зеркало, согласно за она отражения в плоском зеркале, должно быть в $^1/_2$ человеческого роста.

№ 25 (СЕКРЕТНЫЙ ЗАМОК)

Чтобы открыть замок, цифры надо расположить так:

№ 26

Из линий составляется контур острова ВЕЛИКОБРИТАНИЯ.

Москва. Главлит А 38.018. Изд. № 3.422. „Мосполиграф“, 16-я типография, Трехпрудный, 9. 37.000 экз.